П. Безсонов.
Конст. Федоров
Калайдович.
1.

№ 266/163

КОНСТАНТИНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ

КАЛАЙДОВИЧЪ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

П. Безсонова.

I.

МОСКВА.
Въ Типографіи Александра Семена.
1861.

W 266/163

КОНСТАНТИНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ КАЛАЙДОВИЧЪ.

Біографическій очеркъ.

П. Безсонова.

О мазѣ былъ всѣ вѣренъ:
подъ многими тѣ поставлю.

Ф.30-5429
ПУБЛ. ... ЛЕНИНА С.С.С.Р.

I.

МОСКВА.
Въ типографіи Александра Семена.
1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Генваря 3-го дня 1861 года.

Цензоръ Н. Гиляровъ-Платоновъ.

(изъ Русской Бесѣды, кн. II, 1860 г.).

2007099488

ПОГРѢШНОСТИ

Въ біографическомъ очеркѣ.

Стран. 5, строка 14, напечатано:	Слѣдуетъ исправить:
И тогда же представилъ сюда — — —	и тогда же (въ заседаніе Октября 28) представилъ сюда
— 6, строка 10:	
«*Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ* —	«*Замѣчанія на объясненія двухъ грамотъ*
— 17, строка 9:	
Между тѣмъ пріѣхалъ вскорѣ — — —	Между тѣмъ пріѣхалъ недавно предъ тѣмъ
— 20, строка 8 снизу:	
Записку о жизни — — — — — —	*Записки о жизни*
— строка 12 снизу:	
1813 и 1814 года, № 23 и 24, мѣс. Дек. и Янв.: — — — — — — — — —	1813 года, № 23 и 24, мѣс. Дек.:
— 22, строка 18 и 19:	
«*Библіографическое замѣчаніе о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи древностей* —	«*Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи Россійскихъ Древностей*
— 24, строка 5 снизу:	
Матрушина — — — — — — — —	*Матрунина*
— строка 10 и 11 снизу:	
въ № 2-мъ «*О Евангеліи, напечатанномъ въ Вильнѣ.*» — — — — — — — —	въ № 3-мъ «*О древнихъ Русскихъ медаляхъ*» и «*О портретѣ царя Ѳеодора*»: 1824 г., въ № 19-мъ, «*Записка о выпадѣ въ Россіи правнуковъ Кн. А. М. Курбскаго*»
— строка 11 снизу:	
въ № 6-мъ «*Азбука Бурцова*»: — — —	въ № 11-мъ, «*Азбука Василія Бурцова*»;

— 26, строка 15 и 16:
В. И. Козловъ — — — — — — — — В. И. Козловъ
— 28, строка 9 и 10:
Вскорѣ за тѣмъ — — — — — — — — Въ то же время
— 32, строка 12:
отъ 25 Января — — — — — — — — отъ 29 Января
— 43, строка 17:
Г. И. М., — — — — — — — — — Г. И. М.,
— 46, строка 16 снизу:
писемъ — — — — — — — — — письма

КОНСТАНТИНЪ ѲЕДОРОВИЧЬ КАЛАЙДОВИЧЬ.

Біографическій очеркъ.

Константинъ Ѳедоровичь Калайдовичь имѣлъ въ ученой литературѣ нашей такое обширное значеніе, что подробный разборъ сего послѣдняго необходимо повлекъ бы за собою изслѣдованіе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ по Русской исторіи и филологіи, за первую треть настоящаго столѣтія. Жизнеописатель, на первый разъ, можетъ по крайности удовольствоваться изложеніемъ главнѣйшихъ событій жизни частной и служебной, имѣя въ виду разъяснить, какъ отсюда истекала, развивалась и опредѣлялась дѣятельность ученая, въ свою очередь имѣвшая вліяніе на личный характеръ Біографія этого рода тѣмъ болѣе необходима, что, по странному опущенію, въ литературѣ нашей не было доселѣ попытки собрать достаточныя свѣдѣнія о покойномъ; и тѣмъ болѣе возможна, что бумаги его сохранились въ большомъ обиліи, а преданія объ немъ живутъ въ устахъ множества его знакомыхъ и родныхъ (1).

Фамилія Калайдовичей, по преданію, вышла въ Россію изъ предѣловъ южнаго Славянства при извѣстномъ переселеніи, бывшемъ во времена императрицы Елизаветы. Въ концѣ прошлаго вѣка, въ Орловскомъ намѣстничествѣ, въ городѣ Ельцѣ, находимъ на службѣ лѣкаря Ѳедора Дмитріевича Калайдовича, изъ дворянъ. Здѣсь-то, въ 1792 году, родился у него сынъ Константинъ. Первыя начала ученія положилъ онъ въ Елецкомъ народномъ училищѣ и Кіевской академіи (2);

---

(1) Не можемъ безъ чувства особенной признательности вспомнить о той готовности, съ которою Н. К. Калайдовичь, столь рано окончившій жизнь свою, сообщалъ намъ любопытныя свѣдѣнія объ родителѣ, при составленіи настоящаго очерка. Прочія, и важнѣйшія, бумаги Константина Ѳедоровича сохранились большею частію у М. П. Погодина, которому мы обязаны болѣе всего подробностями.—Прим. 1860 г.

(2) По послужному списку.

1799 года, 9 Сентября, опредѣленъ въ гимназію при Московскомъ университетѣ, и, обучавшись въ ней на своемъ коштѣ, послѣ публичнаго испытанія, поступилъ въ студенты, 1807 года, Іюля 2. Еще до того, будучи ребенкомъ, отличался уже онъ любовью къ занятіямъ, съ отличительнымъ характеромъ особенной аккуратности и привязанностью къ замѣткамъ, запискамъ: свойства, развившіяся столь блистательно въ послѣдующемъ археологѣ и филологѣ. Такъ, напримѣръ, онъ велъ забавный дѣтскій журналъ: «Мая 7. Курица яйцо снесла. Купилъ монету царя Михайла Ѳедоровича. Была гроза. Къ обѣду пришла бабушка» (1). Отецъ просматривалъ оригинальные опыты такого рода, смѣялся, но къ счастію не препятствовалъ продолжать. Переѣхавъ на службу въ Москву, онъ не выпускалъ сына изъ-подъ своего надзора въ тѣхъ лѣтахъ, когда это наболѣе нужно, и даже въ послѣдующее время, когда это неналишне и полезно. Не узнавъ сихъ особенностей, мы не поймемъ многаго въ послѣдующей жизни Константина Ѳедоровича: семейныя отношенія, въ которыхъ былъ онъ воспитанъ, держались на такихъ основаніяхъ и въ такой связи, какъ рѣдко уже встрѣтишь въ наше время. Простота ихъ, сопровождаемая внѣшними условіями умѣреннаго быта и средняго класса гражданъ, доходила если не до суровости, то до самой крайней строгости; строгостью поддерживались въ точности всѣ обязанности, а удовлетвореніе имъ, совершаемое съ искреннимъ сознаніемъ высоты ихъ, приводило за собою довольство духа, какую-то степенность, какую-то важность, отчасти даже напряженность, во всѣхъ отношеніяхъ, гражданскихъ и общественныхъ: характеръ, для насъ уже нѣсколько устарѣлый, архаистическій; но, разумѣется, мы не считаемъ себя въ правѣ подновлять его на свой ладъ или сглаживать въ біографіи, а потому читатель замѣтитъ его на каждомъ шагу. При такомъ свойствѣ, религіозность воспитанія не породила однако же узкаго аскетизма, строгость не стѣснила свободы выбора и разнообразія направленій въ послѣдующей жизнедѣятельности, ни даже того пылкаго и стремительнаго характера, который отличалъ всегда Константина Ѳедоровича, и, послѣ выдержки семейной школы, не находилъ себѣ противорѣчія въ суровой строгости антикварныхъ занятій. Послѣдствія

(1) Подобными драгоцѣнными подробностями дѣтскихъ лѣтъ К—ча мы обязаны запискѣ одного его сверстника и сотоварища

воспитанія мы увидимъ тотчасъ же, еще на студенческомъ поприщѣ. Прежде всего, раздѣляя общее направленіе вѣка, студентъ, какъ ни былъ молодъ, хотѣлъ уже быть литераторомъ: вмѣстѣ съ старшимъ братомъ и сотоварищемъ, Петромъ Ѳедоровичемъ, онъ занимался стихотвореніемъ и издавалъ въ рукописныхъ брошюркахъ журналъ—*Русская Муза*; въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, листочки раздавались товарищамъ, съ девизомъ, напоминающимъ Жуковскаго: «*для немногихъ*». Существовалъ и общій сборникъ студенческихъ произведеній: это былъ альманахъ, издававшійся въ 1807 году подъ редакціей сотоварища, Козьмы Ѳедоровича Андреева, *Весенній Цвѣтокъ*; оба брата принимали въ немъ дѣятельное участіе. Наконецъ, въ 1808 году, отважились явиться къ публику: по подпискѣ положили выпускать «*Русскій Критикъ*», съ эпиграфомъ: «*quod mordet, sanat*»; изъ типографіи Любія, вышелъ впрочемъ, одинъ только листъ. Въ томъ же году изданы были: «*Плоды трудовъ моихъ, или сочиненія и переводы К. Калайдовича*. М., въ тип. Рѣшетникова (8)». За общимъ образованіемъ и духомъ эпохи, выказывались между тѣмъ и личныя, оригинальныя направленія: это была страсть останавливаться передъ всякимъ достопримѣчательнымъ предметомъ, съ цѣлію сдѣлать аккуратное его описаніе или внести въ коллекцію, были ли то ископаемое, растеніе или насѣкомое, старинная книга и деньга, или надгробный памятникъ. Такимъ образомъ, въ самое уже первое время, было у Калайдовича собраніе замѣчательныхъ книгъ и монетъ. Но сначала брали перевѣсъ науки естественныя: онъ изучалъ минералогію, бродилъ по берегамъ Москвы рѣки, чтобы собирать разсѣянныя въ обиліи окаменѣлости, составилъ гербарій и, вмѣстѣ съ братомъ, зоологическій кабинетъ, въ картонномъ большомъ ящикѣ собственной работы, подъ названіемъ: «Collectio insectorum provinciae Mosquensis». Занятія были столь замѣтны университету, что знаменитый профессоръ Фишеръ взялъ съ собою молодаго человѣка въ ученое путешествіе по Московской губерніи, памятное открытіемъ, кажется, лабрадора и ратовкита. Впослѣдствіи другія дѣла заслонили, но не истребили прежнюю привязанность, и отголоски ея мы встрѣчаемъ порою среди археологическихъ изысканій. По окончаніи студенческихъ занятій (1), степень кан-

(1) Онъ слушалъ въ теченіе трехъ лѣтъ лекціи: языковъ—Латинскаго, Греческаго,

дидата, данная Калайдовичу 1810 года, Мая 27, «за отличное прилежаніе и таковые же успѣхи», доказываетъ, что всѣмъ преподававшимся наукамъ удѣлялъ онъ должное вниманіе. Говорятъ, что слабѣе прочаго былъ онъ въ наукахъ математическихъ и въ изученіи языковъ иностранныхъ: первое несомнѣнно, второе подтверждается крайнею бѣдностію иностранной библіотеки, оставшейся послѣ покойнаго: въ ней находимъ мы большею частію только изданія Общества Испытателей природы и каталоги знаменитыхъ библіотекъ; Латинскій реперторій, чуждый совершенно классиковъ, содержитъ только учебныя пособія, описанія монетъ и изданія университета; изъ Греческихъ книгъ Экономидъ, и т. п. Живое доказательство того, какъ, съ одной стороны, не любя математики, можно развить свой умъ до величайшей точности изысканій, а съ другой, не владѣя языками и не изучая въ первыхъ лѣтахъ множества граматикъ, образовать впослѣдствіи истинно-филологическій складъ дѣятельности: изданія Константина Ѳедоровича представляютъ намъ образцы филологическихъ изданій Славянскихъ, тѣмъ болѣе насъ удивляющихъ, что первоначально мы не видимъ въ Калайдовичѣ записнаго филолога, не знаемъ ему указателя и предшественника на избранномъ поприщѣ, наконецъ, не предполагаемъ метода, воспитаннаго древними классиками. Издателю предстояло каждый разъ бороться со внѣшнею стороною языка и удавалось выходить изъ борьбы побѣдителемъ, не столько въ слѣдствіе необычайной точности, сколько въ силу особаго внутренняго такта, страстной любви и энергическаго стремленія къ отысканію и объясненію каждаго положительнаго факта исторіи политической, археологической, палеографической. Языкознаніе началъ онъ изученіемъ языка Польскаго, а въ дальнѣйшемъ поступаніи, преодолѣвая филологическія трудности отличнымъ запасомъ разнообразныхъ историческихъ свѣдѣній, въ половинѣ, а еще болѣе въ концѣ поприща, былъ уже однимъ изъ первыхъ знатоковъ древле-Славянскаго и Русскаго языка; то есть, онъ не запасся филологическими средствами однажды, чтобы потомъ пріправливать: онъ запасался постепенно учась, а изученіе ведя объ руку со всѣми по-

---

Французскаго, Россійской исторіи, всеобщей исторіи и хронологіи, краснорѣчія и поэзіи, статистики, умозрительной философіи, теоріи гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, политической экономіи, антропологіи, натуральной исторіи и сельскаго домоводства, технологіи, геометріи, тригонометріи, алгебры.

собраніи филологіи, реальномъ ея наукамъ, позволяемъ существенной душѣ ея — исторіи. Послѣ университета, общественное признаніе тотчасъ указываетъ намъ на тѣ стороны свѣдѣній, въ которыхъ Калайдовичъ и обычно отличался и показалъ дарованія: въ засѣданіи 25 Ноября, 1810 г. Московское Общество Испытателей природы, подъ предсѣдательствомъ графа А. Разумовскаго и директорствомъ Фишера, признало его своимъ членомъ (въ 1809 году онъ сопутствовалъ славному ученому); то же самое послѣдовало 1811 года, Сентября 13, со стороны Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, подъ предсѣдательствомъ И. П. Бекетова, какъ знакъ оцѣнки его «отличной любви и ревности къ отечественной исторіи». Сотрудникомъ въ Московскомъ Обществѣ Любителей Россійской словесности былъ онъ съ 14 Ноября 1811 года, и тогда же представилъ сюда «*Собраніе рѣчей, читанныхъ при торжественныхъ случаяхъ въ Московскомъ университетѣ, по списку съ 1755 по 1799 годъ*». Чтобы не прерывать нить дальнѣйшаго изложенія, мы скажемъ здѣсь о содѣйствіи Калайдовича первому и третьему изъ упомянутыхъ обществъ. Удѣляя любопытство свое къ тогдашнимъ или обыкновеннымъ открытіямъ естественныхъ наукъ, онъ не принималъ, однако, дѣятельнаго въ нихъ участія со времени выхода изъ университета и обратился преимущественно къ занятіямъ историческимъ, тѣмъ не менѣе, Общество Естествоиспытателей, въ собраніи 26 Октября, 1825 года, признало его своимъ ординарнымъ членомъ. Что касается до Любителей Россійской Словесности, то 1817 года Іюня 6, онъ прислалъ въ ихъ Общество, за подписью *неизвѣстнаго*, «*Опытъ рѣшенія вопроса*, предложеннаго въ Общ. Л. Р. Слов., о томъ, на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчіи»? Вопросъ этотъ, надъ которымъ напрасно такъ смѣялся Грамматинъ въ своемъ изданіи Слова о П. И., рѣшенъ былъ Калайдовичемъ, по времени, весьма замѣчательнымъ образомъ (1). Вслѣдъ за тѣмъ, въ засѣ-

---

1) Сущность статьи его, помѣщенной въ XI части «Трудовъ» 1818 года, состоитъ въ слѣдующемъ: «1) что Пѣснь Игорева писана не на томъ Славянскомъ языкѣ, который существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, то на какомъ-либо древнемъ областномъ нарѣчіи, или смѣси употребляемомъ, по сочиненіи Славянорус-

данія Общества 1818 года, Октября 26, поручено Калайдовичу обработать букву З, для предполагавшагося Русскаго Словаря. Подобнымъ образомъ, впослѣдствіи, просматривалъ онъ словарь областныхъ словъ Макарова, напримѣръ прочелъ и исправилъ букву *Б*. Въ чрезвычайномъ собраніи Мая 23, 1823 года, какъ дѣйствительный членъ, принялъ онъ на себя *филологическое и критическое изслѣдованіе Русскихъ стихотворцевъ до Ломоносова*. Наконецъ, «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Тр. О. Л. Р. Сл.» украшены были его статьями: «*О Бѣлорусскомъ нарѣчіи*», «*О орѳоепіи церковныхъ языковъ*», «*О времени перевода нашей Библіи*». Соревнуя Москвѣ, и С.-Петербургское Вольное Общество Любителей Россійской Словесности, въ 1822 году, избрало себѣ въ семь членъ-корреспондентъ. — Гораздо болѣе, однако, дѣятельность Константина Ѳедоровича посвящена была Московскому Обществу Исторіи и Древностей: это было естественнымъ слѣдствіемъ любимыхъ занятій. Въ первые годы по выходѣ изъ университета, Калайдовичъ находилъ здѣсь важнѣйшія средства для своихъ изысканій и лучшее мѣсто для обнародованія открытій. Потому его собственной дѣятельности и дѣятельности Историческаго Общества нельзя раздѣлять инымъ образомъ, и мы часто должны будемъ возвращаться къ ихъ взаимной связи. — Въ теченіе 1810-го, 11-го и 12-го годовъ обнародовано было Калайдовичемъ не много, а именно: «*倪ѣчь о древностяхъ Славянорусскихъ и объ Иларіонѣ Ѳеофилактовичѣ Ѳеофилактовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ*». М., въ Унив. тип., 1811 г.»; Января 4, 1812 г., въ засѣданіи Историческаго Общества читана статья: «*О смерти царя Ѳеодора Алексѣевича*», положено было напечатать ее въ Трудахъ, но, по выпускѣ изъ типографіи, нѣкоторые члены удержали изданіе; наконецъ, въ Вѣстникѣ Европы, ч. 61, 1812 г. «*Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ Новгородскихъ*».

ными языками, *способными* къ письму и находимыми у Русскихъ въ то время, разности и другія тогдашнія замѣтности, 2, что языкъ дѣвы Ипо[illegible]ой не былъ родной, но языкъ уже выше[illegible]ой, 3) что онъ сочиненія, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ языческой Македоніи и 4, что первое, изъ всѣхъ Евангеліевъ, судя по сказанному о ранѣ имъ, было писано на языкѣ Иллирійскомъ». Доводы, которыми опровергаются эти положенія, не только опираются въ самомъ авторѣ значительную ихъ[illegible]ость въ древнихъ памятникахъ и отчасти въ той эпохѣ словесности, но по отношенію къ нимъ должны имѣть[illegible] даже и въ настоящее время.

Нельзя, впрочемъ, думать, что это время проведено безъ дѣятельности въ теченіе его археологъ запасался свѣдѣніями, и конечно съ большими успѣхами, ибо въ 1814 году онъ вдругъ является передъ нами въ полномъ уже вооруженіи приготовительныхъ свѣдѣній и даже глубокихъ знаній. Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о характерѣ его занятій. Признавая за Калайдовичемъ необыкновенную точность ума, совершенно отвѣчающую требованіямъ любимѣйшихъ его предметовъ—Русской археологіи, библіографіи и въ частности палеографіи, убѣждаясь въ основательности его показаній, въ силу которой почти ни одно изъ нихъ не было подорвано послѣдующими изслѣдованіями, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одно неразрывное и стройное цѣлое,—находятъ обыкновенно упрекъ для его дѣятельности въ недостаткѣ остроумія и быстроты соображенія, клоня все это къ снисходительному отзыву, столь любимому у насъ, о неоспоримомъ трудолюбіи, но отсутствіи дарованія. Желательно было бы, чтобы люди эти разсматривали открытія Калайдовича не порознь, а всѣ вмѣстѣ: тогда увидали бы они огромную сумму положительныхъ фактовъ, стоящихъ между собою въ такой связи и послѣдовательности выводовъ, которая досель возможна только еще при изученіи внѣшней природы, въ глубокихъ естественныхъ. И если для исторіи всегда будетъ отдаленнымъ вожделѣнымъ хотя и не единственнымъ) цѣлью—приближеніе къ ясности и положительности современныхъ наукъ о природѣ внѣшней, то, конечно, дѣятельность Калайдовича, показавшая намъ въ извѣстной мѣрѣ возможность подобнаго успѣха, будетъ выражать собою не только дарованность, но даже въ извѣстной мѣрѣ геніальность. Тогда мы будемъ судить объ учености по методу естествоиспытателей; въ массѣ плодотворныхъ разысканій и открытій, едва вмѣстимыхъ въ двадцать лѣтъ человѣческой жизни (1810—1832), увидимъ величайшую быстроту умственной дѣятельности; остроуміемъ же ученаго будемъ называть не блестящія вспышки отвлеченныхъ идей, а способность отыскивать неизвѣстныя доселѣ дороги къ открытію, объясненію, различенію, опредѣленію и соотношенію положительныхъ фактовъ; геніальность будемъ усматривать не въ томъ напорѣ мысли, который иногда можетъ своею энергіей скрывать недостатокъ прочной основы и опоры, а въ тѣхъ плодотворныхъ началахъ разума, которыя въ глубинѣ и за поверхностью фактическихъ выводовъ живутъ скрытою жизнію внутренняго согрѣвающаго огня, подобно гражданамъ

благоустроеннаго общества, не выказывшимся угловатыми поступками, но созидающимъ истинное его благо.

Занятія находили практическое приложеніе въ службѣ. Отъ самаго выхода изъ университета, въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ, что приходится въ 1810, 1811 и 1812 годахъ, обучалъ онъ, въ Университетской академической гимназіи, Россійской исторіи и географіи по собственному желанію, безъ жалованья и въ то же время училъ тѣмъ же предметамъ въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ; кромѣ того, въ 1811 году и до половины 1812-го, въ теченіе полутора года, читалъ, по назначенію университетскаго совѣта, лекціи Россійской исторіи для чиновниковъ, обязанныхъ гражданскою службою (1).

Іюля 30, 1812 года, объявленъ былъ указъ объ ополченіи. Не до мирныхъ уже было занятій: оставивъ на время университетскую службу, Каллайдовичъ явился съ готовностію ратовать за отечество, принятъ, и изъ государственныхъ чиновниковъ 12-го класса переименованъ въ подпоручики. Какія чувства одушевляли его въ это время и какъ связывались они съ любимыми занятіями жизни, всего лучше увидимъ изъ слѣдующаго письма, отправленнаго къ С. Н. Глинкѣ, когда началъ собирать воспоминанія и матеріалы о двѣнадцатомъ годѣ: «Милостивый государь Сергѣй Николаевичъ! Почтеннѣйшимъ письмомъ вашимъ ко мнѣ, отъ 15 Ноября текущаго года, вамъ угодно требовать отъ меня объясненія на то, что мнѣ извѣстно по моимъ сношеніямъ съ вами въ 1812 году. Съ удовольствіемъ исполняю ваше желаніе, повторяя теперь на бумагѣ тѣ же чувства искреннія къ вамъ признательности, которыя остались во мнѣ неизмѣнными съ того славнаго для Россіи времени, когда святая любовь къ простому и отечеству, согрѣвавшая душу, сближала меня съ вами, съ вами, котораго еще съ юныхъ лѣтъ я привыкъ почитать какъ достойнаго нашего писателя, а еще болѣе какъ патріота и человѣка добродѣтельнаго. — Еще до 1812 года, не имѣя отъ роду 20 лѣтъ, я былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Съ тѣхъ поръ я часто бесѣдовалъ съ своимъ наставникомъ, нерасчетливымъ профессоромъ Романомъ Ѳедоровичемъ Тимковскимъ; не разъ повторялъ съ нимъ оныя достопамятныя слова Заленковыхъ законовъ: «да не возлю-

(1) Аттестатъ и послужной списокъ.

бытъ никто чужаго града болѣе своего отечества, и да не подвергнется чрезъ то гнѣву отечественныхъ боговъ; такое помышленіе есть уже начало измѣны ея. Съ какимъ то особеннымъ чувствомъ, для меня въ то время еще непонятнымъ, читалъ вашъ Русскій Вѣстникъ. *я тогда учился исторической критикѣ у великаго Шлецера въ его Несторѣ, а у васъ—святой любви къ отечеству.* Еще много, много я обязанъ и тогдашнему достопочтенному нашему предсѣдателю, Платону Петровичу Бекетову, несравненно болѣе—исторіографу Карамзину. Онъ тогда жилъ въ Москвѣ и писалъ Исторію отечества. Я часто ходилъ къ нему: онъ меня любилъ, всегда укрѣплялъ на томъ пути, по которой я не смѣлъ и не могъ еще стать прочною ногою. Полный любовію къ славѣ Россіи, вопрошатель и судія давно почившихъ, окрылялъ онъ мою душу святымъ восторгомъ и къ пылу юности прилиталъ огня божественнаго. О время незабвенное! О воспоминанія сладостныя! Вы не умрете и тогда во мнѣ, когда маніемъ Промысла, по общему закону для земнородныхъ, я совлекусь мертвенной оболочки.—Въ 1811 и 1812 годахъ я училъ Россійской исторіи въ Благородномъ пансіонѣ и въ Университетской гимназіи, въ самомъ университетѣ читалъ лекціи Россійской исторіи для чиновниковъ, гражданскою службою обязанныхъ, и занимался изданіемъ Русскихъ Достопамятностей, въ то время, когда престолу и отечеству угрожало бѣдствіе неизмѣримое. Я не могъ быть зрителемъ равнодушнымъ. Чтеніе высочайшихъ манифестовъ, реляцій дѣйствующихъ армій, *восклицанія патріотовъ, въ томъ числѣ и наши*, зрѣлища историческія, все это, соединившись вмѣстѣ, въ одно и то же время, уже *рѣшило мое намѣреніе*. — Въ Іюлѣ, какъ ангелъ утѣшитель, явился нарелюбивой Москвѣ Александръ Благословенный. Монархъ былъ во дворцѣ. Молебное пѣніе за спасеніе престола и отечества, колѣнопреклоненія тысячи вѣрныхъ подданныхъ, великодушные порывы пожертвованій, приносимыхъ въ жертву отечеству дворянствомъ доблественнымъ и купечествомъ именитымъ, и неоцѣненныя слезы ангела кротости, залогъ его теплой любви къ подданнымъ,— все это воспламенило меня до сладостной готовности умереть за царя и отечество. *Во дворцѣ я васъ видѣлъ и слышалъ ваши призывы къ ополченію за вѣру, царя и отечество.*—И записался подпоручикомъ въ Московскую Военную Силу, изъявивъ желаніе служить до окончанія священной брани внутри имперіи. *На утрен-*

СССР

ней зорь 13 Іюля вы меня поспѣшили въ принадлежавшемъ покойному моему родителю домѣ... Вы мнѣ предлагали тогда въ пособіе деньги и сукно; я отказался отъ первыхъ и взялъ послѣднее. Сукномъ вы надѣлили и двухъ моихъ товарищей.—Карамзинъ въ это время жилъ въ 30 верстахъ отъ столицы, въ селѣ кн. Вяземскаго, Астафьевѣ. Я лихорадочно желалъ его видѣть до моего отъѣзда въ армію. На лицѣ его я прочелъ нѣкоторое уныніе, соединенное съ надеждою несомнѣнною. Исторіографъ удалъ меня на цѣлый день: прощаясь со мною заплакалъ и сказалъ: *если бы я имѣлъ взрослаго сына, въ это время ничего не могъ бы пожелать ему лучшаго*».

Съ этого времени въ жизни Константина Ѳедоровича вступаетъ довольно особенная эпоха, продолжавшаяся въ теченіе года, до Іюля 1813.

—

Августа 2, 1812 года, вошелъ онъ въ 5-й пѣшій казачій полкъ Московской Военной Силы, состоявшій подъ командою подполковника Кронотова 1, подъ начальствомъ шефа графа Салтыкова, и во время формированія находился въ Коломнѣ. Здѣсь получилъ Калайдовичъ нѣсколько писемъ отъ отца, молитвою и родительскимъ благословеніемъ поддерживавшаго героическую рѣшимость сына: «Мужайся пишетъ онъ, и да вѣрѣется сердце твое о Господѣ» отъ Авг. 9)! «Помни заповѣди Господни и будешь сохраненъ Имъ во всѣхъ путяхъ твоихъ» отъ Авг. 16 1». Какъ подпоручикъ, получилъ Калайдовичъ въ распоряженіе 1-го баталіона 2-ю сотню, съ прикомандированными двумя офицерами и въ короткое время пріобрѣлъ любовь подчиненныхъ, о чемъ часто упоминаетъ въ письмахъ: «Они знали меня, и самъ хорошо зналъ ихъ, служилъ для нихъ съ усердіемъ». Въ половинѣ Августа выступили въ походъ; путь былъ на Подольскъ: отъ Подольска поворотили къ Верею, дабы форсированнымъ маршемъ скорѣе поспѣть къ Можайску. Подъ нимъ начинались уже военныя дѣйствія, слышенъ былъ пушечный громъ; съ разсвѣтомъ пришли къ Бородину, чтобы быть свидѣтелями событій того дня, который Французы называли днемъ суда Господня. Армія ретировалась, опольченіе было разпущено подъ Москвою по полкамъ, и Калайдовичъ съ своею сотнею достался Нижегородскому пѣхотному полку, 26-й дивизіи генерала Паскевича, 7-го корпуса

генералъ-лейтенанта Раевскаго, 2-й западной арміи князя Багратіона. О службѣ этого рода онъ не имѣлъ, конечно, никакого понятія; нужно было привыкать. Но вотъ подступили къ Москвѣ. «Я выросился, пишетъ онъ, ѣхать впередъ. При въѣздѣ въ заставу, страшное уныніе овладѣло мною: я не въ силахъ былъ и не имѣлъ твердости заѣхать къ нашему дому, дражайшіе родители!.. Поѣхалъ, самъ не зная куда. Улицы были пусты, кой-гдѣ видны были люди... Страшная туча висѣла и волновалась надъ городомъ, предвѣщая близкую погибель. Въ это время я ѣхалъ въ задумчивости по Калужской дорогѣ; вдругъ раздался крикъ: Французы, Французы! Я опрометью поскакалъ въ Коломенскую заставу, въ которую шла вся армія Десница Вышняго спасла меня! Одна минута—и я бы погибъ! —Съ четверть перехода отодвинули, мы остановились. Вся Москва была въ виду. Начинало уже смеркаться, черная туча легла надъ городомъ. Вдругъ изъ сумрака надъ самымъ Кремлемъ взвилась ракета, залпъ пушечный сопровождалъ ее, и несчастная Москва во многихъ мѣстахъ воспылала. Сердце у насъ замерло и кровь въ жилахъ охладѣла, и въ жизнь мою не чувствовать такого изступленія... Мы, подобно несчастнымъ Іерусалимлянамъ, горько плакали, видя разрушеніе своего Іерусалима... Въ продолженіе двухъ злочевидѣйшихъ недѣль, когда отчаяніе соединясь съ нищетою, голодъ съ безмѣрною усталостію, грызли наше сердце, солнце не смѣло показать лучей своихъ, отвращая взоръ свой отъ насъ несчастныхъ. Пробуждаясь въ два часа ночи съ грохотомъ барабана, мы бѣжали, сами не зная куда, дѣлая въ день отъ 40 до 60 верстъ.. Ахъ, чего стоили мнѣ слякоть, дожди и морозы! Два раза силы меня совершенно оставляли, два раза я былъ близокъ къ смерти, но Промыслъ Вышній явно хранилъ меня.» Спустя нѣсколько дней, взяли на Калужскую дорогу и нѣсколько разъ приготавливались дать сраженіе, но по новой тактикѣ непріятель не шелъ на батареи, а пробирался стороною лѣсами. Подъ селеніемъ Чириковымъ, Сентября 17, завязалось небольшое дѣло: въ немъ участвовалъ Калайдовичъ съ 3-ю гренадерскою ротою, въ стрѣлкахъ, защищали переправу при одной рѣчкѣ, два дня лежали въ кустахъ, на третій въ первый разъ случилось ему слышать свистъ пуль мимо ушей своихъ. Вслѣдъ за тѣмъ начали подвигаться къ Тарутину, ожидая вѣстей изъ Петербурга, куда отправился князь Волконскій. По назначенію 18-го Сентября, всѣ, неизъявившіе остаться въ арміи, переведены были въ

ополченіе въ селѣ Воронові, Константинъ Ѳедоровичъ перешелъ снова въ 8-й пѣшій козачій полкъ, причисленный къ 7 корпусу г. л. Раевскаго, подъ командою А. А. Чилищева. Тарутинскіе бивуаки дали возможность нѣсколько времени отдохнуть и поправить здоровье. Октября 6, его сотня 2-го баталіона 4-я, ходила съ прапорщикомъ въ почную экспедицію противъ Неаполитанскаго короля, самъ же офицеръ успѣлъ сдѣлать пріобрѣтеніе, о которомъ узнаемъ изъ слѣдующей бумаги, поданной впослѣдствіи отъ Августа 1, 1813 года графу Ростопчину: «Въ почной Тарутинской экспедиціи имѣлъ я случай захватить нѣсколько бумагъ, подписанныхъ Наполеономъ, и въ селѣ Крюковѣ при Красномъ отбить у шатавшихся непріятельскихъ партій *weisse fahne* бывшей Малороссійской фузелерной роты. Поднося бумаги и знамя вашему сіятельству,» и проч. Подвигаясь далѣе за Тарутино, къ Малоярославецкому лѣсу пришли они уже ночью, городъ былъ зажженъ и съ обѣихъ сторонъ шла сильная канонада это было *отчаянное сраженіе*, въ которомъ участвовалъ Каландовичъ, замѣтка о немъ украсила послужной списокъ ученаго. На другой день едва ихъ не отрѣзали; разстроившись съ обозомъ всѣ оборвались и терпѣли тяжкую нужду: стремительно преслѣдуя бѣгущаго безъ памяти непріятеля, были свидѣтелями ужасныхъ явленій Ноября 11 на ночлегѣ, въ деревнѣ Морозовѣ, командиръ ихъ подполковникъ Сафоновъ, получилъ приказъ идти съ своимъ полкомъ въ городъ Оршу и исправлять тамъ должность коменданта. Того же дня поздно вечеромъ, прибыли они «въ мѣсто плача и сѣтованія, въ несчастнѣйшую Оршу,» какъ обыкновенно выражался Каландовичъ. Одна сторона города была выжжена зодчіевская еще дымилась; множество изпуренныхъ и полумертвыхъ непріятелей бродило по немъ; улицы и переулки завалены были трупами и лошадями: въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, мучительная болѣзнь похитила болѣе 600 воиновъ. «Я самъ, пишетъ онъ, опасался ужасной участи и подалъ сильный голосъ къ возможнымъ предосторожностямъ; слова мои, къ счастію, подѣйствовали и зараза примѣтно притупляла убійственное жало.» Тѣмъ не менѣе, въ свою очередь, пролежалъ онъ цѣлый мѣсяцъ и даже при наступленіи лѣта все еще чувствовалъ себя не очень здоровымъ. Вообще нужно сказать, этотъ тяжелый годъ, послѣдующія разстройства и напряженныя занятія убили навсегда здоровье Каландовича, и мы не встрѣчаемъ съ тѣхъ поръ почти ни одного года, въ которыи не вы-

терпѣлъ бы онъ двухъ, трехъ болѣзней, при постоянной притомъ слабости здоровья. Что касается опять до Орши, къ веснѣ сожжено и зарыто въ ней было до 10,000 труповъ скотины и людей: изъ этого легко понять, какое представляла она зрѣлище. Въ добавокъ, во все время пребыванія тамъ, не получаемо было жалованье, а о пансіонскомъ, разумѣется, напрасно хлопоталъ Калайдовичъ въ письмахъ. «Небольшой городокъ, пишетъ онъ, непохожій на себя отъ рукъ Французскихъ, благочестивый по наружности и безбожный въ сердцѣ своемъ, не могъ мнѣ доставлять никакихъ прелестей. Тоскливость меня томило и ихъ армейскіе вечера оставляли въ сердцѣ моемъ пустоту и уныніе. Дружество мое съ однимъ изъ почтенныхъ тамошнихъ стихотворцевъ, Мореловскимъ (1), приносило сердцу моему, стѣсненному скорбію, нѣкоторую отраду Общее наше состояніе, отъ недостатковъ необходимаго для поддержанія жизни, дѣлалось ужаснымъ». Въ довершеніе всего, со времени пребыванія въ Коломнѣ, въ теченіе шести мѣсяцевъ, не получалъ онъ писемъ отъ домашнихъ, безпокоясь притомъ о судьбѣ своихъ книгъ, особенно взятыхъ изъ Синодальной библіотеки. При нашествіи непріятеля, отецъ его, Ѳедоръ Дмитріевичъ, служившій въ Москвѣ при Благородномъ пансіонѣ и имѣвшій свой собственный домъ, въ тревогахъ отправился во Владиміръ, гдѣ въ гимназіи служилъ учителемъ старшій сынъ его Ѳедоръ Ѳедоровичъ (2 Узнавши о занятіи Москвы, отправился онъ далѣе въ Казань, съ женою и сыновьями Петромъ, Иваномъ и Александромъ, изъ которыхъ два послѣднихъ были еще не велики, а первый служилъ учителемъ при Московскихъ институтахъ. Здѣсь, не находя другихъ средствъ содержать семейство, подалъ онъ въ Казанскій университетъ прошеніе, о дозволеніи преподавать въ немъ «на Россійскомъ языкѣ медицинскія лекціи», и, служа адъюнктомъ издалъ въ 1813 году сочиненіе «*О сохраненіи здравія или краткія правила гигіены* (изд ат. проф. Ѳ. К—чемъ, Казань, in 8 » Впослѣдствіи, когда все уже успокоилось, переѣхалъ онъ снова въ Москву на прежнюю

(1, Іосифомъ: съ нимъ послѣ сохранилъ онъ переписку.

2) Потерявши мѣсто въ 1816 году, Ѳ. Ѳ. переѣхалъ въ Москву, служилъ секретаремъ въ коммиссіи строенія, и, съ чиномъ кол. асессора оставивъ службу въ 1820 году, поступилъ потомъ въ управляющіе вотчинами генерала Ст Ст. Апраксина, во Влад. губ Впослѣдствіи снова принялъ службу во Владимірской гимназіи и умеръ въ Москвѣ.

службу. Послѣ смутныхъ обстоятельствъ, Константинъ Ѳедоровичъ только черезъ полгода получилъ снова родительскія строки. Одно изъ этихъ писемъ, присланныхъ въ Оршу изъ Казани отъ Марта 17 (1813), замѣчательно. Отецъ извѣщаетъ, что лишился всего, что домъ со всѣмъ имѣніемъ сгорѣлъ въ Москвѣ; сгорѣли и книги нашего ученаго, составлявшія его первоначально собранную библіотеку, о которой извѣстія въ тогдашнихъ журналахъ (С. Отеч.), какъ «о библіотекѣ рѣдкихъ историческихъ книгъ и рукописей (1).» Не лишнимъ считаемъ здѣсь прибавить, что пожаръ, кромѣ книгъ, уничтожилъ и минералогическое собраніе (о чемъ упоминается въ одномъ письмѣ отъ 30 Іюля, 1813 года). Въ утѣшеніе отецъ прибавляетъ, что по крайней мѣрѣ въ Синодальную библіотеку книги были возвращены въ сохранности. Но главное утѣшеніе содержалось въ словахъ, заключавшихъ письмо: «Совѣтую тебѣ не сѣтовать и не вдаваться въ печаль: хотя ты и потерялъ имѣніе, но по молодости твоей долженъ съ терпѣніемъ потерю свою переносить... Ежели Богу угодно, Которому со благоговѣніемъ всегда угождай, то Онъ все тебѣ возвратитъ и сторицею преумножитъ... Ежели находишь себя способнымъ къ ученой должности, то, по окончаніи, можешь опять возвратиться въ Московскій университетъ. Молися прилежно Богу, да благопоспѣшитъ тебѣ въ твоихъ предпріятіяхъ.» «Съ сердечнымъ умиленіемъ, отвѣчаетъ сынъ, внимавъ я христіанскому вашему утѣшенію (отъ 18 Апрѣля).» Оставалось пожать еще отрады въ успѣшной дѣятельности дѣйствительно, кромѣ обыкновенной службы своей, Кавелинъ въ это время ѣздилъ курьеромъ въ Вильно, Витебскъ и Минскъ, управлялъ госпиталемъ, былъ депутатомъ по слѣдственнымъ дѣламъ, исправлялъ должность плацъ-адъютанта и наконецъ не зналъ даже газеты съ извѣстіями о новостяхъ и проѣзжающихъ (въ Оршу было шесть трактовъ). Разумѣется, при всѣхъ этихъ дѣлахъ, мысли его невольно устремлялись въ любимую сторону, о которой съ нетерпѣніемъ распрашиваетъ онъ во всѣхъ своихъ письмахъ, интересуясь въ особенности судьбою ученыхъ со-

(1) Отголосокъ этого, тѣмъ болѣе любопытнаго для насъ, именно: Мицкевичъ и Сенковскій, Фаддей Булгаринъ, Ручной дорожникъ, Словарь географическій Россійскаго государства. Отчасти древняго Россійскаго міра (нѣкоторыхъ другихъ книгъ сохранилось у М. Гаврилова, Кавелинъ «Исторія свое возвращеніе Грузіи»), Лесьяновскаго, Фаддей Фаддеевичъ, Р. Ѳ. Тимковскаго и Болтина. Обстоятельство это любопытно для насъ въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ взглядъ К. Ѳ. въ ту эпоху.

ровшись и дѣятелей. «Скоро я поскликну, пишетъ онъ къ архимандриту Амвросію, вмѣстѣ съ полкомъ: въ Москвѣ ль я наконецъ со мною ли друзья? Но какая Москва представится глазамъ моимъ? Та ли, которую я оставилъ? Ахъ, почто чувства наши не обманывали? Я и самъ съ охладѣлымъ сердцемъ былъ горестнымъ зрителемъ плачевнаго разрушенія, когда всепожирающее пламя объяло безсмертныя Московскія стѣны; я и самъ, подобно нещастному Іерусалимскому, горько плакалъ, видя разрушеніе своего Іерусалима... Подобно вамъ, и я непрестанно повторяю: человѣка не имамъ. Здѣсь, можно ли жить съ такими людьми, можно ли быть къ нимъ привязану? *Когда-то, послѣ всѣхъ бурь, любовь къ наукамъ, подобно магниту, соберетъ разсѣянныхъ любимцевъ своихъ?... Успѣли ли спасти Московскую патріаршую библіотеку и ризницу* (отъ Февр. 16, 1813)?» Въ другомъ письмѣ къ брату П. Ѳ.: «Какихъ почтенныхъ мужей лишился университетъ нашъ! Ты можетъ быть не знаешь еще о смерти Грузинова, скончавшагося подъ Вильною? Какія сокровища мы потеряли! богатый музеумъ и славныя библіотеки погибли невозвратно... А. А. пишетъ ко мнѣ, что вся ризница синодальная спасена (отъ 18 Апр. 1813).»— Наконецъ, 11 Іюня, 1813 года, полкъ ихъ выступилъ изъ Орши и, пробывъ въ походѣ мѣсяцъ, чрезъ Красной, Смоленскъ и Вязьму, встрѣчая на пути слѣды страшнаго опустошенія, прибылъ въ Москву Іюля 11. Здѣсь кончилась военная служба Баландовича, о которой въ одномъ мѣстѣ писалъ онъ: «Моя награда—общій на голубой лентѣ знакъ и одно утѣшеніе, что я сдѣлалъ доброе дѣло, въ которомъ я никогда не буду раскаиваться.» По предварительномъ указѣ о распущеніи ополченія, Іюля 23, въ 1813 году, уволенъ онъ былъ, по прошенію, съ тремя аттестатами отъ полковъ и паспортомъ отъ главнокомандующаго, графа Маркова, изъ военной службы для вступленія въ гражданскую, въ которой продолжалъ числиться. За тѣмъ въ награду получилъ онъ: воинскую медаль за 1812 годъ, какъ подпоручикъ, Декабря 14, 1814 года; высочайшее благоволеніе и мундиръ ополченія, 1816 г., Дек. 7; медаль, данную за 1812 годъ дворянству, Ноября 18, 1819 года. Воспоминанія этого незабвеннаго года подвигнувъ хотѣлъ онъ впослѣдствіи запечатлѣть особаго рода трудомъ, о которомъ узнаемъ изъ бумаги къ графу Маркову отъ 3 Января, 1817 года: «Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Имѣвъ особенное щастіе служить подъ вашимъ начальствомъ

въ незабвенную кампанію 1812 года, не упускалъ я случая, чтобы только собрать свѣдѣнія касательно войны сей; особенное же вниманіе при семъ устремлено было на записки геройскихъ подвиговъ Московской Военной Силы, сражавшейся за свободу отечества подъ вашимъ начальствомъ. Теперь, по чудесномъ истребленіи врага сл. лица земли Россійской, пылая тѣмъ же духомъ предать потомству невѣроятныя событія 1812 года, обращаюсь къ вамъ, с. гр., съ покорнѣйшею просьбою о дозволеніи мнѣ пользоваться бумагами Московскаго ополченія, для предпамѣреваемаго описанія... Я уже приготовилъ планъ сему сочиненію подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «*Дѣянія М. В. Силы, въ 1812 году, сражавшейся за свободу отечества подъ предводительствомъ главнокомандующаго графа П. И. Моркова*.» Сочиненіе не вышло, но списки и бумаги по этому предмету сохранились послѣ покойнаго.

Теперь считаемъ нужнымъ кстати упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ возвращеніе Калайдовича въ Москву и объ устройствѣ на первый разъ его внѣшняго положенія.

Съ недовѣрчивостью и уныніемъ приближался онъ къ столицѣ, не зная, что его тамъ ожидаетъ, и зная о потерѣ убѣжища, равно какъ собранныхъ средствъ для занятій. По счастію, М. Тр Качановскій радушно принялъ его и предложилъ, до поправки дѣлъ, столъ и квартиру. Имущество состояло все въ одной рубашкѣ и военномъ мундирѣ. Между тѣмъ доходовъ не было никакихъ и онъ долженъ былъ чувствительно благодарить мать свою за присылку изъ Казани четырехъ рублей. Получивъ потомъ жалованье изъ ополченія, за 11 мѣсяцевъ 220 рублей, и неохотно «издерживая деньги, полученныя потомъ и трудами на поприщѣ военномъ (письмо отъ Августа),» онъ не имѣлъ больше ничего, ни откуда, ибо пансіонскаго жалованья не выдавали. Числился же въ прежней службѣ, со степенью кандидата и 12 классомъ государственныхъ чиновниковъ. Вступая теперь снова въ вѣдомство университета, представилъ онъ совѣту, отъ 7 Августа, слѣдующее прошеніе: «Въ бѣдственное для отечества время, внимая воззванію монарха, оставилъ я сіе святилище музъ и въ славное, по истребленіи враговъ и возстановленіи прежняго благоденствія, снова возвращаюсь къ мирнымъ занятіямъ моимъ, когда служеніе мое на поприщѣ военномъ не столь отечеству полезно. Представляя сословію знаменитыхъ мужей аттестаты отъ пол-

ковъ и отставку, мнѣ данныя, покорнѣйше прошу оставивъ съ оныхъ копіи для внесенія въ послужной списокъ, возвратить по адпискѣ, и меня по прежнему причислить къ службѣ императорскаго Московскаго университета. Пріятно и утѣшительно послѣ бурь военныхъ наслаждаться спокойствіемъ въ сословіи только знаменитомъ.» Прошеніе принято благопріятное дѣйствіе университетъ будучи благодаренъ къ трудамъ Калайдовича, положилъ, не въ примѣръ другимъ, выдать ему годичное магистерское жалованье. Между тѣмъ пріѣхалъ въ корпъ братъ Петръ Ѳедоровичъ и съ нимъ имѣетъ думали они искать магистерской степени по законному экзамену (слова изъ письма отъ Августа. Въ Новгородѣ (25 ч.) того самаго года, Константинъ Ѳедоровичъ прямо пишетъ къ брату во Владиміръ: «Въ университетѣ начались мои испытанія въ магистерской степени. Черезъ чинъ теперь не велѣли перепрыгивать. Чрезъ два мѣсяца послѣ я могу получить и доктора.» Однако всѣ эти приготовленія не имѣли дѣйствительныхъ послѣдствій, и судьба избавила ученаго отъ записки въ цѣхъ. Съ прежней степенью и въ прежнемъ классѣ, числился онъ въ вѣдомствѣ университета, даже въ то несчастное время, когда 1815-й и 1816-й годы удаляли его со сцены дѣятельности ученой, пока, наконецъ, по прошенію не былъ уволенъ отъ университета, 8 Апрѣля, 1818 года.

—

Вступаемъ въ эпоху плодовъ дѣятельности, счастливѣйшихъ и знаменитыхъ открытій, удачнѣйшихъ выводовъ и самыхъ любимыхъ воображеній, эпоху, ознаменованную вѣчнымъ характеромъ юности, не умѣвшей и не хотѣвшей сдерживать увлекательнаго порыва, и, послѣ напряженности прерванную наконецъ достопамятъ сожалѣнія образомъ.

Говоря объ ученыхъ открытіяхъ Калайдовича и преимущественно объ открытіи древнихъ памятниковъ не нужно нѣсколько забывать двухъ важныхъ обстоятельствъ: 1. что открытія свои сообщалъ онъ не тотчасъ печатнымъ образомъ; описывая ихъ для себя со всею подробностію и вводя къ какой-либо стройной связи съ другими, или, даже къ объясненію цѣлой какой-либо эпохи, цѣлаго вѣка, онъ не спѣшилъ и только *при случаѣ* выдавалъ ихъ потомъ въ свѣтъ; 2 что содѣйствуя дѣятельно образованію извѣстныхъ частныхъ и общественныхъ книгохранилищъ, хлопоталъ покупкою или доставкою книгъ

и рукописей, осматривая подробно лучшія библіотеки и въ нихъ работая, наконецъ, имѣя постоянныя сношенія съ извѣстными знатоками древности и библіографами своего времени, онъ часто находилъ, отмѣчалъ и даже въ письмахъ описывалъ такія открытія, которыя сдѣлались извѣстны ранѣе съ именемъ другихъ ученыхъ. Потому, опуская изъ виду *литературу* его открытій, то есть эпохи, когда они были объявлены всему свѣту, замѣтимъ что эти эпохи не совпадаютъ съ *настоящими и истинными временемъ* открытій, *для самого* Калайдовича и людей, съ нимъ лично сношеніями; что самъ онъ, по неутомимой дѣятельности стоя во главѣ современныхъ ему изыскателей древности, узнавалъ вещи гораздо ранѣе тѣхъ, которые стояли выше его на степени служебной и поручали ему то или другое дѣло. Присматриваясь внимательно, замѣчаемъ, что время большей части этихъ открытій приходится именно въ разбираемую нами эпоху и въ нѣсколько лѣтъ послѣдующихъ, то есть въ 1813-мъ, 14-мъ, а потомъ во второй половинѣ 10-го и до 20-го. Приведемъ одинъ разительный примѣръ. Іоаннъ Экзархъ изданъ въ 1824 году: объ изданіи его хлопочетъ Калайдовичъ съ 1816 года, а открываетъ его въ Синодальной библіотекѣ 19 Сентября 1813 года, то есть спустя только два мѣсяца по своемъ возвращеніи въ Москву изъ военнаго похода. Изъ болѣе мелкихъ та же судьба съ открытіемъ приписки на Апостолѣ изъ Ст. о П. П. Подобныхъ случаевъ очень много, и будущему критику, если захочетъ объ точности въ одной изъ точнѣйшихъ наукъ, археологіи, палеографіи и филологіи, предстоитъ не малое поле для разработки. Повторяемъ въ разбираемую эпоху полной молодости положены были Калайдовичемъ всѣ главнѣйшія основанія къ послѣдующимъ работамъ, къ тѣмъ изданіямъ, которыя въ своей законченности, достались на долю лѣтъ зрѣлыхъ: завязаны всѣ важнѣйшія сношенія, намѣчены пути и дороги. Это сейчасъ мы увидимъ, обозрѣвая вторую половину 1813-го, весь 1814-й и первое начало 1815-го года.

Средоточіемъ ученой дѣятельности, какъ прежде такъ особенно въ это время, было Общество Исторіи и Древностей. Уже въ 1813-мъ году, отъ 25 Ноября, выхлопоталъ онъ отъ Общества, за подписью предсѣдателя, бумаги: въ Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ о допущеніи въ двѣ подвѣдомственныя ему библіотеки, для обозрѣнія книгъ и рукописей, въ Синодальную кассу касательно библіотекъ семинарской и лаврской, отъ которыхъ требовалъ онъ каталоговъ и въ-

которыхъ рукописей (въ библіотеку Синодальную имѣлъ онъ доступъ еще прежде того); сюда же касательно предписаній монастырямъ, ружнымъ и приходскимъ церквамъ, о сущемъ въ хранящимся историческимъ памятникамъ; въ ризницу и библіотеку Чудова монастыря, соборовъ, и т. д. Здѣсь нельзя замѣтить, что не только въ Москвѣ, но и въ окрестностяхъ ея, какъ напримѣръ въ Звенигородѣ, Воскресенскѣ и Волоцкой округѣ осмотрѣны были Калайдовичемъ древности и книгохранилища, во второе пятилѣтіе десятыхъ годовъ; въ мѣста же болѣе отдаленныя предпринимаемы были путешествія. По всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ Калайдовичъ отъ имени и для цѣлей Историческаго общества. Множество выписокъ и свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ на этомъ первоначальномъ пути, составили прочный капиталъ и сообщили автору ту свободу, съ какою разсуждалъ онъ о разнообразныхъ памятникахъ древности, а на вопросы другихъ ученыхъ или начальниковъ отвѣчалъ непринужденно и коротко. Наконецъ дѣятельность этого рода, въ началѣ 1815 года превосходно заключилась изданіемъ въ свѣтъ 1-й части *Русскихъ Достопамятностей*, отпечатанныхъ Калайдовичемъ по порученію Общества.

Поставивши себя въ такомъ отношеніи къ ученому міру, и по требованіямъ самаго рода своихъ занятій, Константинъ Ѳедоровичъ долженъ былъ войти въ обширныя и разнообразныя сношенія съ лицами оффиціальными и частными. Переписка, выражающая эти связи въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1813—1828), представляетъ лѣтопись всего нашего роднаго просвѣщенія той эпохи крайне интересную, но къ сожалѣнію не совсѣмъ доступную для печати въ наше время, когда большая часть дѣятелей еще въ живыхъ; потому, уклоняясь отъ ея разбора, мы укажемъ здѣсь только — во первыхъ на ея общій характеръ, во вторыхъ скажемъ нѣсколько словъ о сношеніяхъ съ тѣми лицами, которыя сошли уже со поприща науки и жизни. Вообще нужно сказать, что не было почти человѣка, сколько-нибудь извѣстнаго въ ту пору знаніемъ или уваженіемъ отечественной исторіи, филологіи и древностей, съ кѣмъ бы не имѣлъ Калайдовичъ прямыхъ или посредственныхъ сношеній, не говоря уже о профессорахъ университета и Москвичахъ. Иные вели съ нимъ просто корреспонденцію о новостяхъ науки, другіе диспутировали, третьи мѣнялись совѣтами и порученіями. Съ иностранными учеными, интересовавшимися дѣломъ Калайдовича, преиму-

ственно Славянскими, пересылался онъ не прямо, а чаще черезъ посредство, особенно П. П. Кеппена. Всего же тѣсѣе были у него связи съ людьми, собиравшими древности и рѣдкости были ли то рукописи, книги или монеты, всѣ три отдѣла, къ которыхъ Калайдовичъ былъ равно знатокомъ, или даже какія-нибудь другія достопримѣчательности, которымъ также успѣвалъ онъ удѣлять свое любопытство. Имѣя сношенія со всѣми продавцами такого рода до послѣдней торговки, зная всѣхъ гдѣ существуетъ и что появляется рѣдкость, Константинъ Ѳедоровичъ отличался однако тою особенностью, что почти ничего не пріобрѣталъ для себя, а доставлялъ находки въ казенныя или частныя хранилища, сообщая при этомъ отъ себя реэстры, каталоги, объясненія, оцѣнки. Укажемъ теперь на нѣкоторыя лица: 1) П. М. Карамзинъ. Съ нимъ какъ мы видѣли, связанъ былъ Калайдовичъ тѣснѣйшими узами и долго въ глазѣ своемъ понесъ первоначально нѣкоторое вліяніе исторіографа. Уже съ первыхъ томовъ Исторіи Г. Р., онъ принималъ въ ея составѣ дѣятельное участіе на сколько это касалось разныхъ рукописей и отысканія свидѣтельствъ еще болѣе съ этой стороны сдѣлался онъ необходимъ исторіографу, когда послѣдній въ 1816 году переѣхалъ въ С.-Петербургъ; оттуда сношеніе оно довольно часто съ Калайдовичемъ, и зачастую рѣшалъ вѣрно вопросы и задачи историка, что конечно извѣстно и замѣтно читателямъ незабвеннаго творенія. 2, Н. Н. Б.-Каменскій, о которомъ мы должны еще будемъ упоминать впослѣдствіи, весьма высоко цѣнилъ дарованія и знанія юноши, ему между прочимъ посвятилъ Калайдовичъ замѣчательную статью слою, помѣщенную въ Вѣстникѣ Европы, часть 72, 1813 и 1814 года, № 23 и 24, мѣс. Дек. и Янв. «*Объ ученыхъ трудахъ митрополита Кипріана и о томъ, справедливо ли приписываетъ ему и митрополитъ Макарій сочиненіе Книги Степенной*». По кончинѣ же его, помѣстилъ въ В. Евр., часть 74 1814 года: «*Записку о жизни Б.-Каменскаго*», сообщая сыну его Владиміру Николаевичу, отъ 19 Марта, 1814 года: «Баггалья-Каменскій не умретъ, пока будутъ жить Россіяне! Что же значитъ похвала моя? Одно святое чувство признательности къ покойному родителю вашему можетъ оправдать ту смѣлость, съ какою начертывалъ я славную жизнь его.» Въ особенности соединенъ онъ былъ дружбою съ сыномъ—Дм. Ник. Б.-Каменскимъ, по порученію котораго отправлялъ въ Москвѣ, 1822 года,

Исторію Малороссіи, и съ которымъ мы встрѣтимся еще при дальнѣйшемъ разсказѣ 3) Преосвященный Евгеній Болховитиновъ: съ нимъ, особенно сначала, Калайдовичъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ, и, по его порученію (напрасно предостерегая о многихъ ошибкахъ), печаталъ, въ Москвѣ, вышедшую въ 1815 году, in 8. книгу: «*Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражданскую и церковную Россійскую исторію, соч. Авад. Селиѳкій, перев. съ Волоск. семин.* (замѣчаніе объ этомъ изданіи въ Г. Отеч. 1815, № 17 стр. 181).» Въ началѣ 1814 года, Евгеній поручилъ было Калайдовичу изданіе Словаря Русскихъ свѣтскихъ писателей, К. Ѳедоровичъ даже принималъ присылаемыя біографіи на имя свое и его преосвященства; смутны разсказы о томъ, отъ чего это предпріятіе остановилось. По крайней мѣрѣ, къ Словарю писателей духовныхъ Калайдовичъ прибавилъ отъ себя нѣкоторыя біографіи, а нѣкоторыя передѣлалъ и, по выходѣ книги, сообщилъ Евгенію свои замѣчанія о погрѣшностяхъ, отъ 1819 года, 28 Іюля 4) Но всего болѣе характеризуется этотъ періодъ сношеніями съ графомъ А. И. М-Пушкинымъ. Возвратившись изъ похода, Калайдовичъ снѣшилъ освѣдомиться, что гдѣ и какъ успѣло сохраниться изъ драгоцѣнныхъ сокровищницъ собиратели извѣстно, напримѣръ, что Метиславовъ Домбворт съ Рылѣемъ, напечатанный потомъ въ „Достопамятностяхъ", былъ именно въ числѣ такихъ остатковъ, сохраненныхъ въ рукахъ П. П. Бекетова. Кромѣ того, вслѣдствіе потребленія подлинника, тотчасъ послѣ 1812 года подались сильнѣйшія сомнѣнія въ достовѣрности и неподложности Слова о Полку Игоревѣ: что, разумѣется, было очень прискорбно графу и обижало его. Какъ проницательный знатокъ древностей, Калайдовичъ не могъ никогда раздѣлять подобныхъ мнѣній, и потому считалъ своимъ долгомъ утѣшать потерпѣвшаго любителя старины, удѣляя ему многое изъ запаса своихъ выписокъ и соображеній, далѣе которыхъ почти досель еще не подвинулась критика. И нужно сказать правду, что Ковстантинъ Ѳедоровичъ въ то время былъ почти единственнымъ оплотомъ отстоявшимъ древность, оплотомъ о который по невол разбивались нападенія школы скептиковъ, ибо встрѣча и дѣйствительную ученость Тѣмъ болѣе это замѣчательно, что онъ никогда въ подобныхъ случаяхъ не горячился и имѣлъ вліяніе какъ будто однимъ своимъ присутствіемъ. «Записки», писалъ онъ графу, отъ Декабря 13, 1813 года, «должны по невол безмолв-

отковать, зная, что свидѣтельство о нашихъ сокровищахъ было извѣстно Обществу, Н. М. Карамзину и многимъ извѣстнымъ знатокамъ... *И уповать*, что время, отъ котораго зависитъ скрывать и открывать, явитъ намъ неоспоримыя доказательства»... Это строгое вѣрованіе въ судьбы науки какъ-то возвышало Калайдовича надъ современниками и въ людяхъ достойныхъ внушало къ нему довѣріе. Примѣръ видимъ мы въ М.-Пушкинѣ и увидимъ еще потомъ въ Румянцовѣ. Графъ Алексѣй Ивановичъ конечно ничѣмъ не могъ выразить къ нему больше довѣрія, какъ приславъ ему, осенью 1813 года, собственноручную *свою автобіографію*. Предполагалось, что она войдетъ со временемъ въ Словарь свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія, для котораго работалъ и Дм. Ник. Б.-Каменскій; но Калайдовичъ не много поспѣшилъ огласить ее, по просьбѣ почтеннаго издателя *Вѣстника Европы*; люди неблагонамѣренные прикрикнули противъ достоинствъ графа, какъ собирателя и знатока древностей, произошла порядочная непріятность. Впослѣдствіи, по кончинѣ уже графа, Калайдовичъ помѣстилъ въ II ч. Трудовъ Общ. И. и Др. Р. «*Библіографическое замѣчаніе о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи древностей графа А. И. М.-Пушкина*», гдѣ счелъ уже нужнымъ выставить обстоятельства, отвращающія всякое подозрѣніе отъ Слова о П. П. Самъ Калайдовичъ называлъ это похвальнымъ словомъ, и, какъ такое, поднесъ его графинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Не говоримъ о болѣе мелкихъ предметахъ сношеній, о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, открытіяхъ, рѣдкостяхъ графа, въ чемъ во всемъ принималъ нашъ археологъ живое участіе: такъ, напримѣръ, онъ писалъ дополненія и объясненія къ сочиненію графа «*О славянскихъ цыфрахъ*», и т. п. Не мало цѣнилъ онъ также преждевременно скончавшагося сына его Александра Алексѣевича, подававшаго, говорятъ, надежды въ литературѣ, а съ Иваномъ Алексѣевичемъ имѣлъ въ 1827 году сношенія, собираясь перепечатывать «*Духовную Владимира Мономаха*,» писанную 1793 года графомъ, равно какъ «*Книгу большому чертежу*.» 3) Канцлеръ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Сношенія съ нимъ только что начались въ разбираемый нами періодъ, а потому мы предполагаемъ сказать объ нихъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Наконецъ, изъ библіографовъ, въ это время близки были у Калайдовича сношенія съ В. Ст. Сопиковымъ.

Взглянемъ теперь на сношенія съ журналами и журналистами, и,

чтобы уже болѣе не возвращаться, скажемъ вкратцѣ и о годахъ послѣдующихъ. По самому роду занятій Калайдовича, для журналовъ было очень лестно получать отъ него разныя извѣстія о новостяхъ науки и открытіяхъ. Онъ и самъ нерѣдко обѣщалъ содѣйствіе, и — за дѣлами болѣе важными — не исполнялъ. Причина была слѣдующая: онъ, какъ замѣтили мы, любилъ копить открытія, возводя ихъ къ какому-либо стройному цѣлому или приготовляя къ обширному изданію. Тогда самымъ дѣломъ отвѣчалъ онъ на нападки или возраженія. Сказать правду, ему и не находилось достойнаго возражателя, который поколебалъ бы въ основѣ спокойную послѣдовательность трудовъ и непремѣнно вызвалъ бы тотчасъ къ бою. Однако бывали случаи, когда выводили къ рѣчи мелочами и придирками. Тогда, будучи характера пылкаго, но умѣя сдерживать увлеченія и не любя ссоръ, Калайдовичъ высылалъ статью, разъясняющую дѣло, и при ней — большею частію — скрывалъ свое имя. Отсюда, статей его, открыто помѣщенныхъ въ журналахъ, не много; замѣчаній же, уничтожившихъ крикъ дѣльнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, довольно много: но, такъ какъ ни самъ авторъ въ свое время не хотѣлъ оглашать ихъ, ни споры нѣкоторые не успѣли еще остыть, то мы не считаемъ себя въ правѣ преждевременно приподнимать всю завѣсу. Приведемъ одно письмо, характеризующее такого рода обстоятельства. «Приготовляю вамъ ту и другую статью, но повѣрите ли, что иногда одно слово заставляетъ рыться тамъ и самъ, справляться съ библіотеками (такъ всегда была серьёзна его работа), прежде нежели откроешь точный его смыслъ... Мои письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи вы скоро получите: письмо написано въ 1823 году, и увидите, правъ ли я предъ Ходаковскимъ. Я лично читалъ ему нѣкоторыя мѣста, какъ человѣку, который, по его собственнымъ словамъ, еще учился, не зная, что выйдетъ изъ городищъ, и котораго никогда не могутъ оскорбить разнорѣчія въ мнѣніяхъ, не скрылъ и того, что, можетъ быть, отчеты помѣстятся въ вашемъ журналѣ,—и съ той поры другъ къ другу ни ногой!... Все ладно и дружно дотолѣ, пока слушаешь и молчишь. Къ чему же всѣ наши розысканія, когда, при нынѣшнемъ свѣтѣ исторической критики, мы не можемъ подвинуть своихъ свѣдѣній ни на шагъ впередъ? Еще недавно я противорѣчилъ мнѣнію о церковномъ языкѣ Славянскомъ, на которомъ мнѣніи основывалась вся ученая

слава; усумнился только слегка въ *талисманахъ*,—и пошелъ лысъ коромыселомъ! Но пусть мои противники поставятъ меня подъ жестокую историческую и критическую батарею, на это имя, я можетъ быть выйду невредимъ.... Пусть оно идетъ своимъ чередомъ, а у насъ и безъ того много занятій. Я собираюсь описать вамъ... Но нѣтъ, лучше не обѣщать, а исполнять. Душа моя исполнена совершенными желаніями возможнаго блага вашему журналу, обѣщанія невольно вырываются.» Совершенно подобное же, и еще болѣе выразительное, письмо находимъ мы отъ Января 1-го, 1814 года. Люди, понимавшіе и цѣнившіе Калайдовича, какъ напримѣръ графъ Румянцовъ, остерегали его отъ мелкой разбросанности: «Я боюсь, пишетъ канцлеръ въ 1823 году, не отнимаетъ ли у васъ время нѣкоторое желаніе украшать журналы вашими мелкими сочиненіями (1).»

Переходимъ къ заключительному обстоятельству очерченнаго нами

---

(1) Разумѣется, Вѣстникъ Европы, возбуждавшій такое вниманіе тогдашней эпохи, не могъ идти въ этотъ рядъ и разсчетъ, въ немъ встрѣчаемъ мы, помянутыя отчасти выше, статьи: 1813 года часть 71. «*Объ Іоаннѣ Федоровѣ, типографщикѣ*»; «*О трудахъ М. Кипріана* (см. выше)...» «*Записка о жизни Б. Каменскаго* (см. выше)» 1819 года, часть 106 и 107. «*Статьи о трудахъ Шлецеровыхъ Фесп. древнѣйшаго Славянскаго типографщика*» 1820 года ч. 119. «*Нѣчто о Славянскомъ переводѣ Корнеліи*» «*О трудахъ Гнѣдовскаго*» 1822 г. и «*Въ защиту твореній Кирилла Турѣвскаго*» и было одно же время когда за помѣщеніе любимыхъ и особенныхъ статей своихъ, Калайдовичъ принужденъ былъ обратиться къ другому журналу это имѣло 1814-й годъ когда М. Т. Каченовскій, принявъ на время изданіе Вѣстника Европы, по убѣжденіямъ въ необходимости зорко стеречь нашу старину, вынужденъ былъ по собственнымъ словамъ своимъ, писать «о женскихъ нарядахъ и тому подобномъ.» Это эпоха отнако къ счастію, миновалась.—Другое за тѣмъ время достойное во многихъ отношеніяхъ, было Сѣверный Архивъ 1823 года въ которомъ и участвовалъ Калайдовичъ въ № 4-мъ «*Библіографическое извѣстіе о Евангеліи учительномъ въ Забулдовѣ*», въ № 6-мъ «*Азбука Бурцовская*» въ № 2-мъ «*О Евангеліи, написанномъ въ Вильнѣ*» —Наконецъ, въ С. Отеч. 1814 г. «*Объ орденѣ полотенца, бывшемъ будто бы у боярина Матвѣева*» Тамъ же: «*Извѣстіе о кончинѣ и погребеніи И. И. Б.-Кам.*» Тамъ же «*Плачъ Ярославны и битва на устьѣ рѣки Орели, гдѣ ординскія полки отъ лагеря бѣжали Мамаева, князя Великаго Іоанна Васильевича Іерлова*» подлинникъ съ переводомъ К-на 1815 «*Опыскокъ изъ путевыхъ записокъ во Владиміръ*» 1817. «*Извлеченія изъ Ник. Ив. Новгородскаго, собирателя древностей и рукописей*» отдѣльно. Такова наиболѣе замѣтныя и открытыя журнальныя статьи Калайдовича. Изъ прочихъ сочиненій кромѣ вышеупомянутыхъ отмѣтимъ еще въ 1 части Тр. О. И. и Др. Р. «*Замѣчанія на статью князя Щербатова объ одной Русской монетѣ*»; отдѣльно книжки «*Краткое начертаніе Русской исторіи*,» М., 1814, 118. Прибавимъ здѣсь

періода (1813—1815). Суздальщина постоянно занимала любознательность Константина Ѳедоровича. Съ возврата изъ арміи, во все теченіе полутора года онъ велъ непрерывную переписку съ братомъ Ѳедоромъ во Владимірѣ, то справлялся о древностяхъ страны, то хлопоча о слѣдахъ (*владимірской лѣтописи*, то собирая свѣдѣнія о нѣкоторыхъ интересныхъ лицахъ тамошней службы, напримѣръ В. С. Подшивалові. Наконецъ самъ онъ отправился во Владиміръ и Суздаль, собралъ бумаги, книги и рѣдкости, какъ вдругъ, при случайной встрѣчѣ вызвавшаго обстоятельства, поступкомъ, о которомъ ходятъ разные разсказы, совершенно противорѣчащіе, и которыя потому нѣтъ нужды разъяснять по свѣжести времени, навлекъ на себя бѣду, грозившую официальнымъ наказаніемъ и общественной строгой отвѣтственностью. Здѣсь-то, во всей строгости своей, какъ неумытный судія, явилось то семейное начало, о которомъ говорили мы выше. Отецъ укрылъ сына и взялъ на себя наказать провинившагося: 1-го Февраля, 1815 года, объявилъ его сумасшедшимъ и тогда же отправилъ въ Московскій домъ ума лишенныхъ.

—

Изъятый мгновеннымъ случаемъ изъ круга любимыхъ занятій, лишенный всѣхъ средствъ продолжать ихъ, всего собраннаго запаса книгъ, бумагъ, выписокъ, замѣтокъ и прочихъ вещей, удаленный отъ жизни, заключенный между страшныхъ лицъ, противъ воли лѣчимый, Константинъ Ѳедоровичъ очутился въ пустынѣ, которая была бы совершенно безотрадною, если бъ не оставались съ нимъ—душевное развитіе извѣстная сумма мыслей и идей, изъ прожитаго, составляющихъ въ каждомъ своего рода философію, наконецъ поэзія, доступная каждому воспріимчивому сердцу. Такимъ образомъ въ этомъ періодѣ, совершенно удалившемъ прежняго дѣятеля съ поприща внѣшняго, жизнеописатель можетъ остановиться по крайней мѣрѣ на поэзіи, отчасти оживлявшей пустыню.

Читавшіе сочиненія, и въ особенности письма Калайдовича, знаютъ конечно, что, при отличіяхъ сжатаго и краткаго слога, весьма

жетъ-татью, напечатанную еще въ 1815 г.) и напечат. ли въ Историческомъ Сборникѣ 1838 г. «*Разсужденіе о поэтахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ*», и т. д.

таннаго на поприщѣ строгой и положительной науки, онъ владѣлъ всегда языкомъ, увлекательнымъ по своей чистотѣ, простотѣ и ясности. До этой немаловажнѣйшей ступени изящнаго выраженія авторъ достигалъ, между прочимъ, тщательностію обработки, замѣтною даже и въ пріемахъ внѣшнихъ. такъ, напримѣръ, не только сочиненія свои, но даже всѣ письма и записки Константинъ Ѳедоровичъ всегда писалъ сперва на черно,—обстоятельство, послужившее къ счастливому сохраненію большей части бумагъ его, ибо каждая изъ нихъ имѣла свою копію. И хотя мы въ черновѣ встрѣчаемъ обыкновенно весьма мало поправокъ,—доказательство, что тутъ дѣйствовала не одна обработка, но и даровитость,—однако самый пріемъ показываетъ уже заботливость о внѣшней отдѣлкѣ рѣчи. Все это давало Калайдовичу почетное мѣсто даже въ глазахъ литераторовъ, писавшихъ въ журналы, занимавшихся *легкой* литературой. Вас. В. Измайловъ «глава слезливыхъ», какъ называлъ его нашъ ученый, В. П. Козловъ «одинъ изъ чувствительныхъ», кн. Шаликовъ съ прочими, все это считало Калайдовича сочленомъ кружка своего. Ему читали, читали, желали совѣта, одобренія. Еще болѣе: увѣрены были въ его вкусѣ къ стихамъ, а извѣстно, что стихотворцы не любятъ такихъ людей оставлять въ покоѣ, и особенно женщины-стихотворцы. И точно судьба наслала ему долгу женскаго пола; приходилось читать опыты, оцѣнивать, одобрять, обворять, и вести даже переписку на берега Волги. Въ 1812 году писательница послала свои «Первые Опыты»: Калайдовичъ изъ вѣжливости принужденъ былъ просить біографію, для помѣщенія въ предполагавшійся Словарь свѣтскихъ писателей. «И ваша ученая жизнь, пишетъ онъ ей отъ 25 Ноября, 1813 года, нужна теперь для меня при изданіи Словаря Русскихъ писателей, присланнаго ко мнѣ Калужскимъ ученѣйшимъ и любезнѣйшимъ архіереемъ Евгеніемъ». Что же имъ онъ? Какъ человѣкъ души пылкой, онъ не могъ быть чуждъ поэзіи, но, какъ ученый, посвятившій себя другому поприщу, онъ имѣлъ на столько сознанія о своемъ назначеніи, чтобы плѣненные стихи не пускать въ печать. Въ 1814 году смерть одного пріятеля и товарища, офицера Грамацкаго, застрѣлившагося отъ несчастной любви, произвела на него сильное впечатлѣніе и вызвала нѣсколько стиховъ, въ память того, кто «жизнь цвѣтущую принесъ могилѣ въ даръ». Подобныя настроенія духа, и всегда почти съ характеромъ унынія,—слѣдствіе между прочимъ слабаго тѣлеснаго организма и нер-

вности, — находила себѣ потаенный уголокъ въ сердцѣ Константина Ѳедоровича, всегда готовая на отзывъ. И вотъ примѣръ: спустя девять лѣтъ послѣ помянутыхъ стиховъ, именно Февраля 3. 1823 года, въ то самое время, когда онъ занимался печатаніемъ «Археологическихъ писемъ» и готовилъ къ выходу своего «Экзарха», мы находимъ стихи къ сестрѣ, въ день именинъ, передающіе ей «поздравленья съ завѣщаньемъ»:

Когда умру, вели мой холмъ уединенный
Ветлами обсадить вокругъ,—
Пусть зеленѣетъ онъ, ихъ тѣнью покровенный,
И камень, дикой и простой,
Вели поставить ты на холмъ —безъ украшеній:
На что мнѣ мавзолей пустой?
Давно я гордости не знаю наслажденій.
На камнѣ вырѣзать стихи мои вели,
Что—помнишь?—я писалъ къ самоубійцѣ другу,
Который, для любви забывъ все на земли,
Не милую—а смерть досталъ себѣ въ подругу.

Но если когда-нибудь, то во время заключенія могло быть настоящее чѣсто уныло-настроенной лирѣ, когда къ нему всего лучше шли собственныя слова его:

«И опытность ума, и жизни цѣну
Ты купишь тяжестью душевныхъ ранъ».

Въ самомъ дѣлѣ, число стиховъ, написанныхъ имъ тогда, довольно значительно, и, читая ихъ, мы не можемъ порою не содрогнуться при описаніи глубочайшей горести души или потрясающихъ картинъ, его окружавшихъ; то застаемъ мы его съ углемъ въ рукѣ, когда, за неимѣніемъ бумаги, чертитъ онъ на стѣнѣ: то читаемъ изображеніе страшной грозы во время ночи, когда сильная молнія, освѣщая комнату, едва давала ему возможность записывать на клочкѣ бумаги свои мысли и чувства; самое заглавіе нѣкоторыхъ стиховъ: «писано однимъ несчастнымъ, заключеннымъ въ домѣ ума лишенныхъ», самая подпись—«Д. У. Л.», его грустное предчувствіе близкой кончины, выраженное въ посланіи къ сестрѣ, товарищу заключенія, все это даетъ намъ возможность представить тяжесть положенія. Однако самые стихи составляли уже отраду; онъ облегчался жалобой на судьбу,

которая «хотѣла, чтобъ молчалъ онъ и *не пилъ*», онъ нѣсколько разъ называетъ себя *пьяницею* и *поэтомъ*: «а поэтъ твой день провѣтитъ и стихами подаритъ». Особенно интересно «*Посланіе къ попечительницамъ моего заключенія*», обнимающее болѣе 300 стиховъ. — Оставалось ждать исцѣленія; лѣкарства, говоритъ онъ заключалось для него *въ двухъ словахъ*: а эти два слова должны были выразить согласіе отца. Наконецъ стихи отъ 23 Іюня къ Дм. И. Б.-Каменскому увѣдомляютъ насъ, что попечительный другъ обѣщалъ поговорить родителю въ пользу заключеннаго. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовало освобожденіе.

—

Однако кончилось только наказаніе строгость родительской власти приготовляла теперь мѣры для будущаго исправленія. Удобнѣйшимъ мѣстомъ для того избралъ отецъ Николо-Павловскую обитель, извѣстную по своей пустынности Іюля 15, 1815 года, прибылъ туда Каллидовичъ, а 24-го отецъ по предварительному соглашенію, переслалъ настоятелю формельную бумагу на гербовомъ листѣ объ условіяхъ пребыванія сына. Чтобы вполнѣ дать читателямъ понять всѣ эти отношенія, приведемъ письма. Письмо Константина Ѳедоровича къ родителямъ отъ Генваря 1816 года оканчивается такимъ образомъ: «Умоляю васъ со слезами, дражайшіе родители, о дарованіи мнѣ прощенія въ беззаконныхъ поступкахъ моихъ и о возвращеніи къ прежней родительской любви и милости». Отъ 16 Апрѣля того же года: «Христосъ воскресе дражайшіе родители! Поздравляю васъ съ прошедшими днями Пасхи и, свидѣтельствуя глубочайшую мою сыновнюю преданность, всенижайше испрашиваю родительскаго вашего благословенія, уповая именемъ Божіимъ, къ облегченію скорби, извѣстить меня о мѣрахъ, какія вы предпримете касательно моихъ обстоятельствъ, и тѣмъ успокоить сердце грѣшника, жестоко, но по справедливости судьбою наказаннаго. Если же что-либо воспрепятствуетъ скорому возвращенію моему въ Москву то я смѣю надѣяться, что вы навѣстите меня въ уединеніи, ибо въ продолженіи девятимѣсячнаго моего здѣсь пребыванія я совершенно отчужденъ былъ отъ родства и дружбы. Склонитесь на слезное моленіе мое и сотворите милость съ рабомъ своимъ, который до конца жизни пребудетъ вашимъ послушнѣйшимъ сыномъ». Не утерпѣло сердце матери, весною она навѣстила сына, и отъ Мая 14, 1816 года, отецъ

пишетъ: «Матушка, побывавъ въ Данковѣ монастырѣ, принесла мнѣ пріятное извѣстіе о твоемъ исправленіи. Да укрѣпитъ тебя Господь Богъ! Я для твоего вразумленія, а не для вступленія въ монашество послалъ тебя въ монастырь и. . За этимъ Ѳедоръ Дмитріевичъ пишетъ на такъ называемыхъ мартинистовъ и прибавляетъ между прочимъ «Ты читалъ Шталлина и желалъ понимать его, то вѣдай, сколь онъ вредоносенъ врагъ . Посылаю тебѣ нѣсколько чаю и хины... Да парни побольше звѣробою къ самымъ цвѣтамъ подвяжи его въ пучечки и высуши въ тѣни, , а желуди то же можешь привезти, когда время тебѣ назначится изъ монастыря выѣхать» Спора, по долгу дружбы, Дм. Н. Б-Камен.скій предстать къ отцу съ ходатайствомъ, и тотъ пишетъ ему отвѣтъ отъ Іюля 12-го «Константинъ Ѳедоровичъ! Прошедшаго года, Іюля 16 дня, пробылъ ты въ монастырѣ почему сего года, Іюля 16 же дня, и долженъ ты оный оставить. Помолясь Господу Богу Іисусу Христу и Пречистой Его Матери, также угодникамъ Божіимъ—святителю Николаю и преподобному Меводію, и поблагодаря отца Пахомія (1), за его отеческое попеченіе, попроси отъ него монастырскую подводу, возьми свои вещи, звѣробой сушеной или свѣжей когда не успѣлъ насушить, пріѣзжай ко мнѣ. Я просилъ отца Пахомія, чтобы написалъ свидѣтельство о тебѣ и что послалъ къ нему форму и гербовую бумагу. Денегъ 50 рублей далъ я сначала, а послѣднія 50 отдамъ тому, которой тебя привезетъ (2), кромѣ тѣхъ 30 рублей, которые я заплатилъ за забранныя тобою вещи (3).» Такъ и было исполнено, при чемъ настоятель доставилъ свидѣтельство о должномъ поведеніи и исправленіи. Освобожденный, по возвращеніи въ Москву снялъ послушническую одежду, остригъ длинные волосы, и отъ 25 Іюля спѣшилъ выразить признательность попечительному другу. «Почтеннѣйшій и любезный другъ! Благодареніе Богу, я въ Москвѣ и на свободѣ! Возвратившись изъ пустыннаго уединенія, не разъ сокрушался я сердцемъ не имѣя цѣлителя души моей; но какое необыкновенно радостное чувство, рѣдко меня воспламеняющее, наполнило пріятнымъ трепетомъ душу мою, когда я узналъ, что вы здѣсь что я еще могу обнять друга, усладившаго горести дней мо-

(1) Настоятеля.

(2) 100 рублей, по условію было назначено за любезное въ обители

(3) Таковы были издержки въ теченіе года.

вахъ, бывшаго вашею мысли спасеніи и запечатлѣвшаго истинную любовь ко мнѣ не мечтами и обольщеніями, но святою дружескою жертвой. Вы были ангеломъ, благовѣствовавшимъ мнѣ свободу: будьте теперь единственнымъ свидѣтелемъ моей радости, которая безъ васъ чужда сердцу моему; а мнѣ дозвольте питаться сладостнымъ чувствомъ мольбы къ Всевѣдущему о томъ, чтобы жизнь ваша текла во вѣкъ безъ горестей, чтобы всѣ добрые, всѣ подобные вамъ, были счастливы. Вашъ весь, духомъ и сердцемъ преданный К. К.»— Что же дѣлалъ Калайдовичъ въ пустынѣ, кромѣ исполненія обязанностей, выражавшихъ повиновеніе и исправленіе? Изъ переписки книгъ видимъ, что онъ усердно продолжалъ занятія, между прочимъ Паломникомъ Даніила, выписавъ его отъ преосвященнаго Евгенія; принимая къ сердцу событія пустынническої жизни сочинялъ надгробія почившимъ старцамъ; наконецъ, подробно изучилъ исторію, топографію и внутреннее состояніе монастыря: плоды этого прекраснаго труда изданы были уже послѣ его смерти, въ 1837 году, въ сочиненіи, подъ заглавіемъ: «*Историческое и топографическое описаніе мужскаго общежительнаго монастыря Св. Чудотворца Николая, что на Плашкоть, съ приложеніемъ къ уставамъ и чиноположенія*. М., въ Унив. тип. съ рисунками, in 8». Но главное все-таки, что вынесъ Константинъ Ѳеодоровичъ изъ этой «тяжкой эпохи душевныхъ ранъ», состояло въ «опытности ума и оцѣнкѣ жизни». Потому тотчасъ въ слѣдъ за этимъ мы встрѣчаемъ періодъ, продолжавшійся до 1828 года и имѣвшій своимъ отличіемъ опытный и положительный взглядъ на жизнь, зрѣлость сужденія обработанность трудовъ соединявшихъ открытія въ обширныхъ изданіяхъ, и вообще ученую дѣятельность *мужа*. Только въ началѣ такого періода, какъ бы на радости послѣ заключенія, встрѣчаемъ ликованье и праздникъ, которымъ отпразднована была—и въ послѣдній разъ—увлекательная молодость. Къ осени 1816 года отправился Калайдовичъ въ Калугу, быть можетъ по желанію пр. Евгенія, въ томъ же году переведеннаго въ Псковъ. Здѣсь, и въ Мещовскѣ, особенно въ сельцѣ Алешинскомъ, воскресло увлеченіе воскресла муза опять писалъ стихи къ красотѣ, на любезную бесѣду, на концерты. На этотъ разъ въ самыхъ стихахъ мы не видимъ уже увышія.

—

Въ предисловіи къ «Памятникамъ XII вѣка» Калайдовичъ говоритъ объ Румянцовѣ, что онъ «своею любовію къ отечественнымъ древностямъ и щедрыми въ пользу изысканіями являетъ незабвенную въ нашей словесности эпоху, по справедливости достойную носить славное его имя.» Въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ также достаточныя причины назвать *Румянцовскою* всю ту пору ученой дѣятельности, которую предстоитъ описать намъ и которая, какъ увидятъ читатели, связана со всѣхъ отношеніяхъ съ именемъ графа. При этомъ должны мы вернуться нѣсколько назадъ. Чувствуя приближеніе кончины, Н. П. Б.-Каменскій, отъ 26 Декабря 1813 года, писалъ къ *другу* своему, государственному канцлеру, нѣкотораго рода завѣщаніе, въ которомъ между прочимъ просилъ назначить, на свое мѣсто—А. Ѳ. Малиновскаго, въ сомнительныя ему сына Дмитрія при Коммиссіи печатанія гос. грамотъ и договоровъ просилъ оставить Либенау и при немъ двухъ чиновниковъ—Шестеровича и Прилуцкаго. «Но, прибавляетъ онъ, какъ при печатаніи сихъ трактатовъ требуется человѣкъ, знающій кромѣ литературу и Россійскую исторію, то и рекомендую на сіе мѣсто находящагося въ университетѣ и давно желающаго быть при Архивѣ г. кандидата Калайдовича. Онъ уже извѣстенъ по многимъ историческимъ и критическимъ отрывкамъ въ исторіи; онъ нашелъ и въ I-й части (изданныхъ въ 1813 году грамотъ и договоровъ вкравшіяся ошибки. Примѣчанія его на Кипріановскую Степенную Книгу напечатаны въ послѣдней его мѣсяца книжкѣ Вѣстника Европы. Вы можете сію книгу взять у г. Вестмана и увидите въ его начертаніи оборотность ума его.» Помянутыя здѣсь замѣчанія объ ошибкахъ при изданіи I-й части г. гр и дог были посланы Калайдовичемъ къ Каменскому въ видѣ письма, принятаго почтеннымъ археологомъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ и напечатаннаго даже особою тетрадкою. Въ своемъ отвѣтѣ, отъ 9 Января, 1814 года, графъ, успокоивая Б.-Каменскаго на счетъ выздоровленія, прибавляетъ: «Предположенія ваши, въ ономъ письмѣ означенныя останутся у меня въ памяти, и я конечно во всякомъ случаѣ за долгъ поставлю дѣлать вамъ пріятное. Давно уже желалъ я для службы пріобрѣсть г. кандидата Калайдовича. За напоминаніе объ немъ и вамъ весьма благодаренъ и прошу васъ теперь доставить ко мнѣ тожмо его прошеніе съ аттестатами и дать мнѣ знать, на какомъ основаніи онъ желаетъ поступить въ службу, дабы я потому могъ сдѣлать надлежащее рас-

поряженіе.» Основываясь на этомъ письмѣ, Калайдовичъ посылаетъ къ канцлеру свое *первое* письмо отъ 26 Января, 1814 года: «Честь имѣю отвѣтствовать, что я, желая пополнить всю жизнь свою Русскими исторіи и особенно древностямъ и дипломатикѣ, и чувствуя, что мѣсто теперешней службы моей въ Московскомъ университетѣ не столько можетъ доставить мнѣ способовъ усовершенствовать себя въ сей части, нежели случая употребить слабыя мои познанія и силы на служеніе Архиву коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Мои обстоятельства, ученое знакомство и здѣшняя библіотеки древностей, хорошо мнѣ извѣстныя, по крайнемъ моихъ я былъ бы быть возможенъ и быть нѣкогда полезнымъ, располагаютъ меня остаться къ продолженію службы въ Москвѣ». . Графъ отвѣчалъ ему письмомъ отъ 25 Января, и Калайдовичъ, послѣ болѣзни, съ 19 Марта, 1814 года, началъ съ нимъ ученую переписку, пославъ на первый разъ свои отпечатанныя записки о поколѣніи другѣ канцлера Б.-Каменскомъ. Между тѣмъ несчастіе, постигшее его, прервало на нѣсколько времени интересныя сношенія. Мы видѣли, что нѣсколько недѣль по возвращеніи изъ похода, Калайдовичъ жилъ у М. Тр. Каченовскаго; потомъ средства, доставленныя университетомъ, дали ему возможность перѣхать на собственную отдѣльную квартиру, на Пятницкой, у Климента; въ концѣ 1814 года онъ даже пользовался казеннымъ помѣщеніемъ въ Благородномъ пансіонѣ. Прибывъ же изъ Пешношской обители долженъ онъ былъ остановиться у отца, у Рождества въ Палашахъ, на Тверской, не имѣя ни откуда доходовъ, ибо числился только помощникомъ при университетѣ. Это крайнее положеніе рисуетъ намъ просьба его къ государю отъ 1-го Сентября 1816 года, по обстоятельствамъ недостигшая впрочемъ цѣли (1. Дм. Ш. Б.-Каменскій, отъѣзжая-

---

а) «Всеавгустѣйшій Монархъ Государь Всемилостивѣйшій! Да не оскорбится Величество Твое смѣлостью, съ какою я дерзнулъ предстать Ослѣпительному Лицу Твоему, дабы выразить тѣ чувства любви и предпочтенія, какими всегда пылала къ Тебѣ душа моя, и просить милости, которую Единъ только Ты и знать на меня можешь. Въ славный для Россіи 1812 годъ, внимая Гласу возопившаго, подвигнувшаго и меня любезному отечеству, оставилъ мою службу въ Твоемъ Московскомъ университетѣ, летѣлъ на поле брани, и въ трехъ сраженіяхъ готовъ былъ запечатлѣть кровію безпредѣльное усердіе къ Тебѣ, Государь, и Отечеству. Въ это время родительскій домъ въ первопрестольномъ градѣ Твоемъ и все, что въ немъ не успѣло, досталось въ добычу врагамъ; и теперь переѣхалъ я разнощикомъ,—и когда животворные лучи Твои осушили слезы любезнаго Тебѣ народа, надѣясь на кротость сихъ мыслей, не отчаяваюсь и испрашивать щедротъ Твоихъ. Теперь, когда долговременная болѣзнь совершенно въ теченіи полутора

мій въ то время въ Малороссію, имѣлъ даже намѣреніе пристроить тамъ своего друга. Между тѣмъ Калайдовичъ, побывавъ въ Калугѣ, по возвращеніи своемъ въ Москву долженъ былъ жить, какъ кажется, на счетъ графа, исполняя его порученія. Съ братомъ во Владимірѣ, послѣ несчастнаго приключенія и потери Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ мѣста, сношенія прекратились. Любопытно, что послѣдняя рѣдкость, которою интересовался здѣсь Константинъ Ѳедоровичъ, какъ натуралистъ, была бѣлая мышь въ Суздалѣ: однако, за неумѣньемъ дѣлать чучелы, она такъ и сгибла.—Дѣятельность начала сосредоточиваться слѣдующими путями. Въ началѣ 1816 года, канцлеръ поручилъ Симоновскому архимандриту Герасиму осмотрѣть монастырское книгохранилище и рѣдкости, въ Маѣ послѣдовало подобное порученіе о монастырѣ Даниловѣ, церкви Спаса на Бору и другихъ монастыряхъ, а отъ 24 Октября о монастырѣ Новоспасскомъ. Тогда арх Герасимъ отнесся къ Калайдовичу за помощію, и послѣдній, отъ 10 Декабря, обѣщался доставить графу росписи осмотрѣнныхъ книгамъ и рукописямъ изъ монастырей Данилова и Новоспасскаго, отъ 16 Февраля, 1817 года, выслалъ ихъ, и, при обоихъ этихъ случаяхъ, въ своихъ письмахъ, подалъ уже мысль о необходимости составить каталогъ Синодальной библіотеки, указывая между прочимъ на Іоанна Экзарха и давая мнѣніе о близкой современности его твореній Славянскимъ первоучителямъ. Съ этой поры, описывая канцлеру разныя Московскія рукописи, Калайдовичъ сдѣлался ему близокъ и необходимъ. Въ томъ же 1817 году, по приглашенію своего покровителя, онъ принялъ участіе въ изданіи II-й части «*Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ*,» въ Коммиссіи ихъ печатанія, въ которой съ этого времени находился съ званіемъ контръ-корректора, поправляя корректуры, сверхъ Русскаго языка, на Латинскомъ, Французскомъ и Польскомъ. Тѣмъ не менѣе, пользуясь пособіями графа, оставался онъ по прежнему кандидатомъ и числился при университетѣ, не имѣя службы въ собственномъ смыслѣ. Точность, съ которою исполнялъ онъ ввѣренную обязанность, должна была расположить къ

года изгнала меня, дерзаю повергнуть себя къ освященнѣйшимъ стопамъ Твоимъ, да коснется и меня всеобъемлющая благость Твоя, оживитъ духъ, пламенѣющій безпредѣльною ревностію къ Твоей службѣ, и я—продолжая богоподобное Твое царствованіе—не буду сомнѣваться болѣе въ жизни моей во дни неотъемленнаго Твоего владычествованія.»

тому Румянцева, вопреки даже настоянію А. Ивановича, отмѣчавшаго въ Петербургѣ мнимыя ошибки изданія (1). До какой степени ревностенъ былъ Калайдовичъ къ ученымъ предпріятіямъ, свидѣтельствуетъ замѣчательное объясненіе, представленное имъ въ то время, отъ 1-го Ноября, 1817 года, по поводу предпринимавшагося Московскою духовною типографіею вторичнаго изданія Лѣтописцевъ Новгородскаго и Архангелогородскаго, хранившихся въ Синодальной библіотекѣ (2). Можно спросить безпристрастныхъ читателей: откуда вдругъ выросъ и явился въ Россіи такой филолого-историкъ, неутомимый и ревностный до послѣдней степени, а въ ревности своей не накладный правительству и частнымъ лицамъ? Послѣ него можно уже было идти по слѣдамъ: но кто былъ ему достойнымъ примѣромъ, кто указателемъ? Не мудрено, что не многіе понимали его, и нѣкоторые планы его, безъ содѣйствія, остались неисполненными, чтобы только поучать насъ. Одинъ лишь человѣкъ, съ официальной высоты умѣвшій сойдти до вопросовъ науки и въ старческихъ лѣтахъ принять къ сердцу ея интересы, оцѣнилъ настоящимъ образомъ способности Калайдовича, взялъ на себя трудъ расширить пути для безпрепятственной его дѣятельности, поддержать средствами, устроить внѣшнее изложеніе, и притомъ всему этому дать такой смыслъ, какъ будто ученый постоянно одолжалъ его. Получивъ отъ А. Ѳ. Малиновскаго первый отпечатанный листъ II-й части госуд. гр. и договоровъ, а вмѣстѣ снимокъ заглавія и предисловія съ одной харатейной рукописи, най-

---

(1) О необыкновенной правдивости К—ча въ семъ родѣ разсказываютъ забавный случай. Разъ онъ былъ у Троицы, и за вечернею среди стоящихъ въ алтарѣ, монахъ, читавшій дверьми пропустилъ какое-то слово, замѣщенное въ книгѣ восклицаніемъ; онъ рѣчамъ по памяти то тотчасъ учинилъ, перервалъ чтеца, самъ сталъ читать вслухъ, и тогда уже съ торжествомъ воскликнулъ: «да и прочелъ точно такъ!»

(2) Относясь къ предложенію устроить вновь и вѣрнѣе изданіе, присовокупляетъ онъ слѣдующія разсужденія: «Я приготовилъ, говоритъ, уже прежде того *матеріалы* для изданія, *на половину Новгородскаго лѣтописца*, достойное же упражненіе на такомъ поприщѣ *въ теченіе пяти лѣтъ* дало право надѣяться, что труды его будутъ полезны любителямъ древностей и исторіи. Касательно Новгородскаго лѣтописца, «съ которымъ свободно можетъ равняться, можетъ быть и самъ Лаврентьевскій», по мнѣнію Калайдовича, отъ «сей» новаго изданія, очень замѣчательнаго по тому времени и даже поучительнаго нынѣ и всему: 1) издать церковными буквами, съ удержаніемъ сокращеній и знаковъ пятнадцатаго изданія, 2, на «отличномъ» отъ прочаго бумагѣ, 3, присовокупить варіи, 4, въ концѣ примѣчанія и объясненія древнихъ словъ и рѣчей, 5, въ концѣ примѣчанія указатель историческихъ лицъ, географическихъ именъ, съ показаніемъ, гдѣ имена 3-го рода должно прибавить ро-

деніи Калайдовичемъ въ Синодальной библіотекѣ, графъ писалъ, отъ 27 Февраля, 1817 года, къ начальнику Архива: «Отдавая должную справедливость похвальному рвенію и трудамъ г. Калайдовича, въ изысканіи отечественныхъ древностей, прошу васъ покорнѣйше, при изъявленіи истинной моей ему за сіе признательности, повторить убѣжденіе о неослабѣваніи въ занятіяхъ сего рода, дѣлающихъ столько же ему чести, сколько и приносящихъ другимъ удовольствія.» Съ этого времени, замѣтимъ между прочимъ, большая часть ученыхъ вопросовъ, предлагаемыхъ графомъ Румянцовскому рѣшаема была, черезъ посредство послѣдняго, Калайдовичемъ. Подавая ему надежду на описаніе Синодальной библіотеки, Румянцовъ продолжалъ однако сомнѣваться въ древности творенія Экзарха. За то между ними завязалось множество ученыхъ вопросовъ, по Русской исторіи и древностямъ, не вспомогательнымъ наукамъ, одинъ спрашивалъ или сомнѣвался другой представлялъ отвѣты и объясненія въ формѣ краткихъ разсужденій. Очень сожалѣемъ, что въ настоящемъ случаѣ обстоятельства не дозволяютъ намъ входить во всѣ подробности, хотя переписка и подъ руками. По неволѣ также мы должны умолчать вкратцѣ о другой важной сторонѣ дѣла: Константинъ Ѳедоровичъ постоянно пріобрѣталъ для графа, описывалъ и переписывалъ рѣдкія книги, рукописи, монеты, замѣтимъ только, что значительная доля Румянцовскаго музея, замѣчательнаго рѣдкостію и выборомъ, составилась трудами и рвеніемъ Московскаго ученаго. Хозяинъ сокровищницы не любилъ оставаться въ долгу, за то послѣ каждаго его подарка, являлось новое, большее и большее одолженіе, такъ что мы весьма ошибемся, если остановимся въ этихъ сношеніяхъ на вопросѣ о какой-нибудь матеріальной выгодѣ; она становилась сама собою на девятой, на десятой планѣ: впереди же всего видимъ съ обѣихъ сторонъ дѣйствіе высокихъ побужденій науки и знанія, отыскиваются, съ большими жертвами пріобрѣтаются, сохраняются и передаются потомкамъ, описываются и объясняются древнія матеріалы для воскрешенія исторической жизни родного края. Отъ 25 Іюня, 1817 года, отправилось къ канцлеру письмо съ описаніемъ памятника, найденнаго Константиномъ Ѳедоровичемъ

кою о сочинителѣ, языкѣ и правописаніи книги. За все это, *по недостатку отечества*, вознаграждалъ онъ его въ началу 2,000 рублей, именно 1500 за Новгородскаго и 500 рублей за Архангелогородскаго отъ 1817 года. *Въ образецъ же того и приложенія теперь*, и для ратификаціи, прошлый отчетъ поданъ Его Ректорскій листъ на разсмотрѣніе архіепископу Псковскому Евгенію Болховитинову.

чемъ, 10 Іюня, въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ: это былъ знаменитый Изборникъ, извѣстный подъ именемъ Святославова. Графъ Николай Петровичъ, отъ 7 Іюля, поручалъ уже Малиновскому приступить къ печатанію и употребить на то Калайдовича; археологъ принялъ со всѣмъ рвеніемъ вызовъ, отъ 13 Августа. Между тѣмъ О. М. Бекетовъ истребовалъ Изборникъ для сообщенія о немъ библіографическаго описанія въ предполагавшуюся II-ю часть Русскихъ Достопамятностей. Дѣло затянулось. Калайдовичу еще при жизни пришлось поздравлять А. Х. Востокова съ порученнымъ ему изданіемъ; да если бъ и пожилъ онъ, долго бы еще все-таки не пришлось увидать въ печати вожделѣннаго Изборника. Гораздо счастливѣе были другія предпріятія. Кратковременное пребываніе Константина Ѳедоровича въ Калугѣ, о которомъ мы уже знаемъ, не прошло даромъ. онъ останавливался у А. Ѳ. Якубовича, губернскаго почтмейстера; это былъ тотъ самый воспитанникъ Московскаго университета, который 1804 года издалъ «*Древнія Русскія стихотворенія* (въ 8).» Въ томъ же, 1816 году, рукопись, вмѣщавшая въ себѣ много лишняго и лучшаго противъ выпущеннаго изданія, переходитъ уже во владѣніе графа Румянцова, а въ 1818 году мы получаемъ драгоцѣнѣйшія «*Древнія Россійскія стихотворенія* (въ 4),» отпечатанныя съ тою ловкостью и точностью, которая такъ блистательно оправдывается письмомъ Дмитріева къ Миллеру (см. журн. Москвитянинъ). Къ сожалѣнію, не предчувствовалъ Калайдовичъ, что удержанное имъ въ рукописи не только не увидитъ послѣ того свѣта, но даже навсегда отъ него скроется (говорятъ, рукопись Др. Ст-ній потерялась?). Покровитель ученой дѣятельности все болѣе и болѣе получалъ доказательствъ ея плодотворности; уже отъ 7 Декабря, 1817 года, пишетъ онъ въ Москву: «Вы къ изысканіямъ и даръ, и щастіе имѣете особое; не оставьте такихъ отличныхъ выгодъ безъ употребленія, и ежели сіе довершите или же случится вамъ сдѣлать какое открытіе, не оставьте меня, милостивый государь мой, о томъ безъ увѣдомленія.» Наконецъ, убѣжденный замѣчаніями ученаго во всемъ достоинствѣ твореній Экзарха, графъ отъ 6 Октября, 1818 года, обращается уже къ Малиновскому, предлагая, по переговорамъ съ Калайдовичемъ, составить планъ печатанія, и присоединяя послѣднему слѣдующій отзывъ: «Я всегда письма ваши получаю и читаю съ удовольствіемъ. Онъ всякой разъ утверждаютъ мое особенное уваженіе къ талантамъ вашимъ и къ

тому искусству, съ которымъ вы особенный имѣете даръ отыскивать древніе памятники словесности нашей и объяснять ихъ; но съ особенною признательностію получилъ я послѣднее ваше письмо, какового меня удостоили отъ 20 Сентября.» Калайдовичъ не медля отвѣчалъ, отъ Октября 17: «Почитая величайшею для себя честію быть исполнителемъ патріотическихъ высокихъ вашихъ намѣреній, поручаю снисходительности вашего сіятельства при семъ представляемый планъ изданія Іоанна Экзарха Болгарскаго.» Въ такомъ видѣ положено было начало знаменитому труду. Графъ не торопилъ въ послѣдующее время: онъ убѣждалъ и ободрялъ только къ продолженію и отдѣлкѣ труда. По мѣрѣ обработки, высылаемы ему были главы разсужденія, а потомъ отпечатанные листы. Однако это было не единственное дѣло: мы увидимъ сейчасъ еще другія плодотворныя начинанія, относящіяся къ одному и тому же періоду изумительной дѣятельности. Въ послѣднемъ изъ приведенныхъ нами писемъ, археологъ высылаетъ канцлеру копію съ посланія митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху объ отступленіи Латинъ: такимъ образомъ предначертывались уже «*Памятники XII вѣка*», и здѣсь кстати мы прослѣдимъ дальнѣйшую судьбу этого изданія, въ которомъ Калайдовичъ ссылается въ первый разъ на примѣры иностранныхъ филологовъ при изданіи древнихъ классиковъ (предисловіе, стр. IV). Не повторяя того, что читатели найдутъ при самомъ изданіи, мы скажемъ только нѣсколько словъ по соображеніи переписки. Уже въ 1813 году Калайдовичъ зналъ творенія Кирилла Туровскаго, добавляя о немъ свѣдѣнія къ издававшему словарь преосвященному Евгенію. Отъ 8 Мая, 1819 года, онъ обѣщаетъ графу вскорѣ «доставить новыя изслѣдованія, съ изчисленіемъ сочиненій о св. Кириллѣ, епископѣ Туровскомъ, знаменитомъ, но къ сожалѣнію мало извѣстномъ витіи вашемъ, принадлежащемъ къ XII вѣку.» Въ томъ же году, отъ 16 Ноября, препровождаетъ онъ на разсмотрѣніе Слово Даніила Заточника; а отъ 28 Марта, 1820 года, подробныя свѣдѣнія о твореніяхъ Кирилла. Графъ тотчасъ же изъявилъ желаніе, чтобы на его счетъ совершилось изданіе этого памятника XII вѣка. «Довольно сказать вамъ не могу, прибавляетъ онъ, сколь много утѣшаюсь надеждою скоро сдѣлать таковой важной подарокъ всѣмъ любителямъ отечественныхъ древностей и того, что ему въ отличіе.» Къ этому основному памятнику, мало по малу, началъ прибавлять Калайдовичъ другіе, изъ которыхъ между прочимъ,

отъ 10 Іюля, предложилъ пріобрѣсть Вирширніе Кирилло и Ильи Новгородскаго Исправленіе. 1821-й годъ прошелъ, во время уже печатанія, въ интересныхъ розысканіяхъ о Кирилѣ, въ которыхъ самъ графъ принималъ не мало живое участіе, и для которыхъ сносился между прочимъ съ Лицде и Минскимъ губернаторомъ. На конецъ, отъ 19 Декабря, 1821 года, графъ благодаритъ за успѣшное окончаніе дѣла и прибавляетъ интересное, характеризующее его, замѣчаніе: «Мнѣ жаль, очень жаль, что, меня любя, похвалили меня безъ воздержанія.» То же самое обстоятельство имѣло мѣсто въ 1822 году, при изданіи III-й части г. гр. и договоровъ: должны были перепечатать послѣдній листъ предисловія, ибо графу «не полюбились пригорныя похвалы.» Не смотря, однако, на эти случайности, встрѣчено было изданіе полнымъ одобреніемъ, не только со стороны канцлера, но даже и Россійской академіи: 29 Августа, 1822 года, по предложенію президента А. С. Шишкова, академія, обративъ вниманіе свое на полезный трудъ, употребленный на изданіе книги «Памятники Р. Слов. XII вѣка,» положила удостоить Калайдовича награжденіемъ серебряной медали. На одной сторонѣ ея находилось вензелевое изображеніе имени императрицы Екатерины, увѣнчанное лаврами, съ надписью: «за похвальныя въ Россійской словесности упражненія», на другой сторонѣ—изображеніе императрицы. При этомъ кстати замѣтимъ, что въ II Академіи Наукъ Калайдовичъ былъ членомъ-корреспондентомъ съ 27 Апрѣля 1825 года. Другой важный трудъ, начатый въ то же время, именно весною 1818 года, состоялъ въ описаніи, съ помощію П. М. Строева, славной библіотеки графа Ѳ. А. Толстаго. Извѣстно, что онъ появился въ свѣтъ въ 1825 году, подъ заглавіемъ: «*Обстоятельное описаніе Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ, въ библіотекѣ графа Ѳ. А. Толстаго; изд. К. Калайдовичъ и П. Строевъ, съ палеографическими таблицами почерковъ съ XI по XVIII вѣкъ.* М., въ т. Селивановскаго, 1825 года.» Но самый впрочемъ трудъ, по появленіе его (весною помянутаго года), не сопровождались для Константина Ѳедоровича чѣмъ-либо особенно пріятнымъ; даже можно сказать прямо, скорѣе были причиною нѣкоторыхъ огорченій. Печатаніе готово было не разъ остановиться; вышедшее скоро потомъ добавленіе къ описанію составлено было уже безъ участія Калайдовича; экземпляръ книги подносилъ былъ императрицѣ отъ имени хозяина библіотеки: однимъ словомъ, тутъ имѣли мѣсто совсѣмъ уже иныя отношенія, чѣмъ съ графомъ Николаемъ Петровичемъ.

Въ первый разъ только въ разбираемый нами періодъ устроилась наконецъ служба Калайдовича. Апрѣля 8, 1818 года, отчисленъ онъ былъ, по прошенію, отъ университета, и, съ 1817 года занимавшись въ Архивѣ, только съ 13 Мая 1819 года, съ переименованіемъ въ губернскіе секретари, былъ высочайше утвержденъ въ званіи контръ-корректора при Коммиссіи печатанія гос. гр. и догов., не будучи еще впрочемъ причисленъ къ Архиву гос. колл. ин. дѣлъ. Въ этомъ же году, какъ извѣстно, издана была *III-я часть гос. гр. и договоровъ*, въ которой принималъ такое участіе Калайдовичъ. Приступили къ печатанію III-й части. Между тѣмъ 15 Марта, 1819 года, скончался, послѣ сорокалѣтней службы, отецъ его Ѳедоръ Дмитріевичъ. Вслѣдъ за тѣмъ Константинъ Ѳедоровичъ, 11 Января, 1820 года, женился на Катеринѣ Никитичнѣ Неклюевой, дочери уѣзднаго Бронницкаго судьи Никиты Корниловича, и 17 Ноября того же года получилъ отъ нея сына, назвавъ его въ честь своего покровителя Николаемъ, а въ 1823 году дочь Людмилу. Съ этого времени все внѣшнее положеніе пришло въ порядокъ и устроенство. Когда лѣтомъ 1822 года издана была *III-я часть гос. гр. и договоровъ*, А. Ѳ. Малиновскій сдѣлалъ представленіе вышему начальству, и 2-го Августа, по ходатайству графа Румянцова, государь, указомъ, причислилъ Калайдовича къ Московскому Архиву к. и. д., пожаловалъ орденомъ Св. Анны 3 й степени, за ревностную службу и труды, и, въ то же время, ему чрезъ кавалера объявлено монаршее благоволеніе за участіе въ изданіи III-й части Собранія г. гр и дог. Октября 20 того же года, по просьбѣ Малиновскаго и представленію Румянцова, Калайдовичъ, «какъ опытный въ изданіи актовъ и заслуженный уже чиновникъ,» опредѣленъ главнымъ смотрителемъ въ Коммиссію печатанія г. гр. и догов.; въ 1823 году, Января 12, произведенъ въ коллежскіе секретари: 1824, Мая 26, назначенъ помощникомъ библіотекаря при Архивѣ: въ теченіе четырехъ за тѣмъ лѣтъ, 1824—1828, участвовалъ въ изданіи *IV-й части Собранія г. гр. и дог.*; 1826 года, Января 22, произведенъ въ чинъ титулярнаго совѣтника, а Декабря 6 пожалованъ орденомъ Св. Владимира 4-й степени.

Возвратимся къ другимъ занятіямъ, которыя большею частію группировались или стояли близко занятій по архиву, ибо всѣ связаны были съ именемъ графа Румянцова. Въ 1819 году, по порученію его, изданы были К. Калайдовичемъ и П. Сарѣевымъ

«*Законы В. Кн. Іоанна Васильевича и Судебникъ Царя и В. Кн. Іоанна Васильевича, съ дополнительными указами*. М., въ тип. Селиван., in 4.» Удивительно, какъ самое отдохновеніе Калайдовича обыкновенно сопровождалось занятіями и вело къ открытіямъ: такъ, лѣтомъ 1820 года, графъ путешествовалъ по Россіи, покупая рукописи, а Константинъ Ѳедоровичъ, недавно женившись, жилъ въ Брошницахъ и успѣлъ все-таки пріобрѣсть здѣсь для графа нѣсколько рѣдкихъ памятниковъ. Въ 1821 году издалъ онъ: «*Историческій и хронологическій опытъ о посадникахъ Новгородскихъ, изъ древнихъ Русскихъ лѣтописей; собралъ Калайдовичъ, печатано на иждивеніи графа Н. П. Румянцова*. М., въ тип. Селиван., in 4.» За изданіе это получилъ онъ отъ канцлера, отъ 19 Декабря, 1821 года, искреннюю благодарность и два экземпляра въ подарокъ. Между тѣмъ оно повело было къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, что узнаемъ изъ слѣдующаго письма Константина Ѳедоровича къ А. Е. Измайлову: «Читая V-ю книжку вашего журнала, по вѣтмъ отношеніямъ *Благонамѣреннаго*, я былъ удивленъ похвалою, мнѣ не принадлежащею, за изданіе Опыта о Новгородскихъ посадникахъ. Уклоняясь отъ сей чести, обязанностію поставляю извѣстить васъ, милостивый государь, что сочинитель Опыта, одолженный щедротамъ и вниманію госуд. канцлера гр. Н. П. Румянцова своимъ образованіемъ и любовію къ историческимъ занятіямъ, окончивъ похвальный трудъ свой въ Гомелѣ, подъ руководствомъ его снятельства, по скромности скрылъ свое имя. Респектный и попечительный мой начальникъ, его прив. А. Ѳ. Малиновскій, получивъ рукопись отъ графа Николая Петровича, ввѣрилъ мнѣ напечатаніе сего полезнаго сочиненія, къ которому отъ стр. 297 по 310, съ одобренія моего начальства, я присоединилъ только *мои дополненія*.» Похвала Калайдовичу, о которой идетъ здѣсь дѣло, напечатана была въ Благонам. Соб., № V, 1822, стран. 201, 202, 203; отвѣтъ—въ № IX, 1822 года, стр. 366. Въ то же время собирался онъ издать *описаніе золотой Черниговской гривны и мѣдной* изъ собранія З. П. Зосимы.—Въ 1822 году печаталъ онъ въ Москвѣ, по порученію Петра Ивановича Кеппена, уѣхавшаго за границу, его «*Списокъ Русскимъ памятникамъ*»; лѣтомъ путешествовалъ вмѣстѣ съ графомъ до Ржева Владимірова, 31 Августа и Сентября 1-го осматривалъ древности и пріобрѣталъ старинныя вещи *въ Микулинѣ Городищѣ*, Твер-

ской губерніи, о чемъ оставилъ описаніе въ бумагахъ своихъ. Замѣтимъ при этомъ, что онъ весьма много занимался вопросомъ *о городищахъ*, и вообще счастливъ былъ тѣмъ, что, путешествуя довольно часто, особенно въ лѣтнее время, на мѣстѣ могъ повѣрять свои наблюденія и предположенія. Такъ, въ 1823 году, по поводу открытыхъ въ Старой Рязани драгоцѣнныхъ великокняжескихъ украшеній, посылаемъ былъ туда для изслѣдованій, осмотрѣлъ окрестные монастыри и разнаго рода древности, отчетъ же о нихъ напечаталъ въ слѣдующемъ видѣ: «*Письма къ А. Ѳ. Малиновскому, объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи, съ рисунками найденныхъ тамъ въ 1822 году древностей:* соч. К. Калайдовича. М., въ унив. тип., 1823, in 8 (1).» Лѣто этого года канцлеръ жилъ на водахъ Кавказскихъ; и тамъ не переставалъ его извѣщать неутомимый археологъ о сдѣланныхъ открытіяхъ и пріобрѣтеніяхъ. И до какой степени разнообразны были эти открытія! На примѣръ, Мая 25, нашелъ онъ на Конной цѣлое *кладбище опальныхъ иностранцевъ и надгробный камень Ливонскаго ландмаршала Белля*, казненнаго при Иванѣ Грозномъ, о чемъ приготовилъ *подробное розыскание для Общества Исторіи и Древностей*; другое современное открытіе состояло *въ чугунной плитѣ, выставленной Петромъ I-мъ на площади, съ описаніемъ стрѣлецкихъ злодѣяній*. Наконецъ въ томъ же году велъ онъ переписку съ М. В. Могилянскимъ, выхлопатывая для Аверина продажу *серебряной Владиміровой монеты и собираясь описать ее вмѣстѣ съ двумя другими*. Эти изслѣдованія о монетахъ, обличающія большаго знатока, къ сожалѣнію, за другими важнѣйшими дѣлами, не были выданы въ свѣтъ и остались или въ бумагахъ покойнаго, или включены были въ письма къ разнымъ лицамъ.

Теперь слѣдуетъ намъ возвратиться къ дѣятельности Калайдовича

---

(1) Письма эти погодили преній, о которыхъ мы упомянули отчасти выше. Взгядъ Ходаковскаго на древнюю географію Славянъ въ связи съ мифологіею, высказанъ былъ имъ въ С. Отеч. (1820) и Вѣсти. Евр. (1819 и 1820). Мнѣнія нашли сочувствіе въ министрѣ гр. просв., А. Н. Голицынѣ, и Карамзинѣ, вслѣдствіе чего, съ помощію правительства, Ходаковскій былъ отправленъ въ путешествіе. Откровенно бесѣдовалъ онъ съ Калайдовичемъ о шаткости нѣкоторыхъ своихъ основаній но когда К—чъ указалъ на то въ своихъ археологич. письмахъ, Ходаковскій счелъ себя обиженнымъ, — обстоятельство, которому впрочемъ мы весьма обязаны, ибо онъ написалъ большую статью, въ которой основательно обличалъ промахи К—ча, и которая въ отрывкахъ помѣщена была потомъ въ Русск. Истор. Сборникѣ 1838 года.

въ Обществѣ Исторіи и Древностей. О немъ давно уже не упоминали мы, и очень естественно. Общество долго молчало и только теперь воскресло къ новой дѣятельности. Апрѣля 12, 1823 года, избранъ былъ предсѣдателемъ А. А. Писаревъ. Непосредственно послѣ того, въ обыкновенномъ засѣданіи 14 Іюня, опредѣлило оно Калайдовичу издавать *Русскія Достопамятности*, то есть II-ю часть ихъ, о которой думалъ еще П. П. Бекетовъ при открытіи такъ называемаго Святославова Изборника. Планы къ изданію были представлены Писареву отъ Калайдовича 19 Іюня и 1-го Іюля (1). Послѣ засѣданія Общества 14 Іюня, обратились къ предпріятію, о которомъ Калайдовичъ пишетъ къ графу Румянцову: «Общество И. и Др. Р., движимое чувствами особаго къ вашему сіятельству почтенія, положивъ, въ обыкновенномъ своемъ засѣданіи, бывшемъ 14 числа сего

(1, Въ бумагахъ К—ча сохранилось любопытное, предполагаемое содержаніе II части: 1) Путешествіе во св. мѣстамъ Игумена Даніила въ княженіе Святополка. — 2) Лѣтописецъ Русской патріарха Никифора. —3 Уставъ Владимира. — 4 Письмо къ князю Дмитрію Юрьевичу Шемякѣ 1448 года —5) Грамота къ Соловецкой монастырь о старцѣ Филаретѣ, бывшемъ потомъ патріархомъ — 6) Молитва царя Алексѣевой чтецъ Годунова напечат. уже въ Отеч. Зап. — 7, Три письма царя Алексѣя Михайловича къ патріарху Никону —8, Преніе о убіеніи Бориса и Глѣба —9) О смерти Петра II. — 10) Сказаніе объ осадѣ Азова. 11 Грамота Владиміра, данная послѣ низверженія царя Михаила —12) О товарахъ, вывозимыхъ въ Россію въ XVI вѣкѣ.—13) Шестое патріаршество въ отдачу въ недѣлю пай — 14) Дѣло князя Пожарскаго съ княземъ Лыковымъ о мѣстничествѣ -15) О Россіи или Московіи, изъ Космографіи.— 16 Духовная Калиты, конца XIII вѣка — 17 Брань царевны Софіи Петровича — 18) Краткая записка чинамъ Семена Павловича Хитро-Шахматова о современныхъ происшествіяхъ и собственной службѣ, съ 1601 по 1650 годъ. — 19) О привезеніи Татарскихъ и Турецкихъ побѣдъ для царя Іоанна Васильевича въ Астрахань (1569 г. Марта 20 .—Такъ-то щедро и богатые патроны готовили намъ Константинъ Ѳедоровичъ, и конечно немногіе изъ бы въ свои обѣщанія, если бы только Богъ продлилъ его вѣку — Іюня 1, 1823 года прочитанъ въ Обществѣ «*Предположеніе объ изданіи лѣтописей и хронографовъ*». Отзывъ нѣкоего списка лѣтописи, говоритъ объ такимъ образомъ «Теперь, мнѣ кажется Обществу должно имѣть у Николая Михайловича *Кіевскій Лѣтописецъ* или *Несторову Лѣтопись* Іо и многіе опыты показали, что нѣтъ нужды повторять одно и тѣ же извѣстія въ двухъ спискахъ, а должно въ *сравнительномъ ученомъ изданіи* положить только древнѣйшій списокъ да отмѣтить *преимущественныя* или рѣдкія тѣхъ списковъ, какіе можно пріобрѣсти, то первѣе всего *необходимо пріискать въ изслѣдованіе наши историческія сокровища* Въ библіотекахъ Софійской и Троицкой и монастыряхъ—Лѣтописи Сійскія, а въ Соловецкаго, хранятся многіе чему неизвѣстные. При тѣхъ изысканіяхъ, какія имѣетъ Общество, было бы весьма нужно *отправить для обозрѣнія помянутыхъ библіотекъ одного изъ членовъ*. Такъ также, о какомъ моему, должно поступить съ *Хронографами*: собравъ ихъ, сперва *издать* одинъ *за сравнительномъ изданіи* прочіе *къ нему*»

мѣсяца, стараться, по возможности, о *продолженіи и окончаніи древнѣйшей Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку*, возложило на меня пріятнѣйшую обязанность отнестись въ семъ случаѣ къ вашему сіятельству, какъ ревностнѣйшему покровителю трудовъ историческихъ. Имѣя честь препроводить 13 листовъ Лаврентьевской лѣтописи, отпечатанныхъ въ 1812 году профессоромъ Тимковскимъ, теперь отъ лица всѣхъ членовъ испрашиваю вашего дозволенія и содѣйствія въ порученіи окончанія трудъ сего Обществу.» И это предпріятіе было такимъ образомъ предначертано также Калайдовичемъ, ибо въ выше помянутомъ своемъ предложеніи Обществу, говоря о Лаврентьевскомъ спискѣ и упомянувъ о 13 отпечатанныхъ листахъ его, онъ прибавляетъ: «*Для чести Общества необходимо нужно обнародовать сіе первое въ Россіи критическое изданіе, съ предисловіемъ, въ коемъ можно показать правила, которыми руководствовался покойный сочленъ нашъ.*» Нельзя забыть также о пожертвованіяхъ, представленныхъ чрезъ его руки Обществу отъ Г. Н. М., К. П. Аверина, Крупеникова, П. Н. Царскаго, при такомъ содѣйствіи, описаніи и объясненіи вещей, что Общество должно было, вмѣстѣ съ дарителемъ, воздавать равную благодарность своему сочлену. Даже въ засѣданіи 1828 года, Января 10, за нѣсколько уже дней до того, какъ Калайдовичъ совершенно сошелъ съ своего многотруднаго поприща, успѣлъ еще онъ прочесть сочиненіе свое: «*О мѣстѣ рожденія императора Петра I-го.*» По смерти его находимъ въ бумагахъ цѣлую связку: «*Критическій разборъ Записокъ и Трудовъ Моск. Общества И. и Др. Р., и Русскихъ Достопамятностей.*» И, при всей этой обильной дѣятельности, посвященной Историческому обществу и конечно удивляющей читателя, замѣтимъ все-таки, что нами сообщены только краткія черты ея.

Наконецъ, изданъ въ 1824 году, подъ своимъ смотрѣніемъ, «*Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ*» (составленъ онъ былъ покойнымъ пр. Григоровичемъ и присланъ Константину Ѳедоровичу изъ Петербурга)», Калайдовичъ заключилъ дѣятельность всего этого періода изданіемъ твореній *Іоанна Экзарха Болгарскаго*, присоединивъ къ нему, какъ извѣстно, замѣчательныя изслѣдованія и любопытнѣйшія дополненія изъ древнихъ памятниковъ. Считаемъ лишнимъ говорить о содержаніи и великомъ значеніи этого незабвеннаго творенія: каждый изъ насъ знаетъ, что оно, помимо нѣкоторыхъ

просмотровъ, представляетъ собою украшеніе и честь Русской ученой литературы, что оно поставило сочинителя во главѣ просвѣщенныхъ современниковъ, и наконецъ дало ему почетное мѣсто между всѣми Славянскими учеными въ Европѣ. Мы прибавимъ только нѣсколько обстоятельствъ, сопровождавшихъ появленіе знаменитаго труда. Отъ 10 Сентября, 1824 г., графъ пишетъ Каландовичу. «Я желалъ бы, чтобы вы были свидѣтелемъ той радости, которую почувствовалъ я, получа первый экземпляръ ученаго изслѣдованія вашего о Экзархѣ Болгарскомъ, при письмѣ, коимъ вы меня удостоить изволили отъ 2 Сентября. Сей трудъ, за который я вамъ премного благодаренъ, сдѣлаетъ васъ извѣстнымъ вездѣ и навсегда, опредѣлитъ вамъ отличное мѣсто между всѣми вообще писателями нашего вѣка. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать другихъ экземпляровъ Экзарха, дабы первый изъ нихъ отправить къ митрополиту Евгенію и ученому Добровскому.» Скоро представлены были экземпляры значительнѣйшимъ лицамъ, ученые предлагали свои мнѣнія, большею частію доброжелательныя; Каландовичъ принималъ ихъ къ свѣдѣнію съ большой благодарностію и скромностію (1). Онъ находился на высшей точкѣ своей ученой славы. —По представленіи экземпляра импера-

---

(1) Не входимъ въ разборъ по примѣрамъ нѣкоторыя мнѣнія П. И. Лобойки, профессора Виленскаго Университета, помѣщенныя К—чемъ въ 1822 году (въ «*Dziennik Wileński*», T. I. № II, str. 1—17), когда тотъ печаталъ изданіе П. И. Кеппена. «Konstanty Kalaydowicz, mieszkający teraz w Moskwie, bezy się w rzędzie najznakomitszych znawców słowiańskich i rossyyskich starożytności. Wilnem mu już Swiat zdobyty wiele ważnych pomników, wydanych nakładem Sw. Kanclerza Państwa M. hrab. Rumiancowa» Теперь, отъ 3 Ноября, 1824 года, писалъ онъ между прочимъ графу: «Сіе достопамятное изданіе, представляя древнѣйшее произведеніе Славенской литературы, подаетъ новодъ къ безчисленнымъ изысканіямъ и соображеніямъ, а особливо для Богемскихъ Славянофиловъ. Я думаю, что они теперь воспользуются симъ лучше, нежели мы въ Россіи имѣютъ они знаменитаго предшественника.. По благодаря Провидѣнію, даровавшему отечественному просвѣщенію столь знаменитаго покровителя, обогащающаго Россію новыми источниками Славенскихъ древностей, мы пробуждены отъ усыпленія, вкусъ къ отечественнымъ древностямъ и исторіи сдѣлался господствующимъ... Изданіемъ Іоанна Экзарха положенъ краеугольный камень въ основаніе Славенской палеографіи, которая должна пролить жизнь и свѣтъ на мрачную древность... Г-ну Каландовичу принадлежитъ честь не только какъ ревностнаго и счастливаго изыскателя Славенскихъ древностей, но и какъ перваго основательнаго комментатора изъ Россійскихъ ученыхъ. Онъ обогатилъ изданные имъ памятники многими новыми открытіями и важными объясненіями въ пользу Славенской филологіи исторіи словесности и церковной. Видно также, что у него въ рукахъ есть много другихъ достопамятныхъ матеріаловъ, но всего важнѣе Изборникъ Святославовъ съ рисунками и украшеніями, а особливо изображеніе семейства сего князя. Я думаю, что г. Каландовичъ чтетъ Экз-

рицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, получилъ отъ нея въ подарокъ, отъ 13 Октября, 1824 года, золотую табльерку. Отъ 18 Октября того же года получилъ всемилостивѣйшее благоволеніе отъ императрицы Маріи Ѳедоровны. Представленіе императору и награда, по обсто-

---

серіо ничего не найдетъ достойнѣе нашихъ ожиданій, его талантовъ и покровительства нашего синтельства, отъ сей драгоцѣнный памятникъ. — Г-нъ Калайдовичъ пишетъ въ предисловіи что онъ нашелъ подлѣ Добровскаго Славянскую грамматику, которая однакожъ, по его мнѣнію, могла бы быть для него наставительнымъ руководствомъ только въ частяхъ, а не въ цѣломъ. Напечатавъ ее, который я вполнѣ хорошо одобряю эту книгу, увѣренъ что безъ ней невозможно успѣшно совершить такого рода литературнаго труда и г. Калайдовичъ, прочитавъ ее съ вниманіемъ, найдетъ много разрѣшеній на тѣ недоумѣнія, кои онъ показываетъ въ Экгартѣ, и совершенство частей достовляетъ совершенство и цѣлому ». Какъ примѣръ, коимъ цѣнитъ онъ достоинство изданія Экгарта. Подъ тѣмъ одобрительнымъ отзывомъ мы должны сдѣлать одно только замѣчаніе на слишкомъ похвальнаго отзывателя. Калайдовичъ могъ, по разнымъ причинамъ, не воспользоваться нѣкоторыми указаніями Добровскаго, могъ встрѣтить въ языкѣ такіе факты, при которыхъ помянутыя указанія не были достаточны; но что онъ пользовался ими такъ и высоко цѣнилъ ее это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Еще отъ 7 Ноября 1822 года графъ мы послали ему оную для прочтенія и усовершенствованія изданія Экгарта. Мною только ему обязаны мы переводомъ этой грамматики на Русскій языкъ. Апрѣля 22, 1822 года, отвѣчая отъ съ просьбою къ А. Ѳ. Малиновскому, чтобы тотъ мнѣ далъ тогдашнюю помощь и покровительство каѳедры для совершенія труда помянутаго Шафарикомъ и Кубаревымъ, что вспомнено было потомъ, при назначеніи наградъ, первымъ изъ помянутыхъ лицъ и Шевыревымъ. «Мнѣніе г. Круга присланное было къ Румянцову отъ того же числа, 3 Ноября онъ говоритъ между прочимъ: «je ne crois pas pouvoir Vous prouver mieux, Monseigneur, de quel mérite est cet ouvrage, dont Vous avez ordonné de nous soumettre notre jugement, qu'en Vous communiquant la-dessus les legères remarques que voici ». О характерѣ этихъ замѣчаній, касающихся большею частію такихъ словъ можно судить по слѣдующему отрывку «p 200 l 15 M. Kal [illegible] отчего взять онъ Сербскій матеріалъ? Il aurait pu trouver la reponse dans ma Lettre de l'ancienne, p. 166, Jy ai traité aussi p. 128, 156, 167, 170 etc. le Synode et de ses fs. en tâchant de corriger les erreurs commises par Dobrow, Pag et autres. Jen ai encore quelques exemplaires et si M. Kal le souhaite je lui en offre un ». Въ заключеніи нѣсколькихъ замѣчаній о томъ изданіи сказано: « son edition lui fut [illegible], car a ressemble en tout de voir imprimé celui d'Evangile d'Ostromir avec exactitude. Si quelqu'un mérite [illegible] c. M. Vostokov y voudra prêter, je contribuerais volontiers pour ma part une centaine de roubles ». Что касается до отзыва о. пр. Цвѣтковича присланнаго изъ Гомеля отъ 20 Февраля то онъ ограничивается критическими замѣчаніями нѣкоторыхъ мѣстъ и Круга и Калайдовича. Сообщая мнѣ данныя взятыя изъ этихъ отзывовъ, прибавляетъ что тѣ отступленія такого рода, чувствовалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужду, но что дѣло тотъ что пишетъ онъ отъ 10 Марта, 1825 г. «Кругъ точно хорошо знаетъ сохранить въ оттѣнкѣ и цѣнѣ ученое мнѣніе издателя о томъ Экгартъ Болгарскомъ, да не знаетъ онъ, милостивый государь мой, тому доказательствомъ что отъ отъ него ни моего дополненія одинъ экземпляръ нашей книги славному сокровищу въ Кіевѣ и всѣмъ изъ именемъ [illegible] ученому, упражняющему [illegible] и объяснить притомъ все достоин-

ятельствамъ, нѣсколько были замедлены: уже 1826 года, Марта 29, вложенъ былъ бриліантовой перстень, пожалованный императоромъ Александромъ I-мъ за поднесенный экземпляръ.

—

Послѣ изданія Іоанна Экзарха, трудясь по Архиву при изданіи госуд. гр. и договоровъ, по Обществу Исторіи и Древностей, о чемъ помянули мы выше, состоя въ прежнихъ отношеніяхъ къ графу, одинъ слишомъ продолжая всю ту дѣятельность, которую однажды утвердилъ уже на прочныхъ основаніяхъ, Калайдовичъ, разумѣется, не могъ вскорѣ выпустить въ свѣтъ какое-либо обширное твореніе. Зато онъ началъ уже готовить къ нему матеріалы и собирать всѣ нужныя свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, надобно признаться, что благоразуміе, можетъ быть, требовало послѣ столь вашныхъ трудовъ ослабить нѣсколько напряженность дѣятельности, чтобы имѣть время собраться съ силами. Неутомимый ученый не хотѣлъ дать себѣ ни малѣйшаго роздыху. Только что вышелъ въ свѣтъ Іоаннъ Экзархъ, какъ осенью того же года, именно отъ Октября 18, присланъ былъ указъ изъ синода въ Московскую контору, о допущеніи Калайдовича, согласно съ желаніемъ государственнаго канцлера, къ сочиненію

ство труда вашего. По сей почтенный академикъ сожалѣетъ и видитъ в нѣкоторыхъ малыхъ неисправностяхъ, вкравшихся въ сочиненіе ваше. Я здѣсь приложу вамъ его мнѣніе для свѣдѣнія вашего и потому что давно съ нимъ привыкъ обходиться искренно и съ полною довѣренностію къ нимъ». Любопытно при этомъ привести собственныя слова г. Круга въ письмѣ къ графу: «comme le comte Lebzeltern est venu me voir une coupe de fois p[endant] que je fus malade, *je lui ai parlé du dessein de* V. E. de faire hommage à l'Archeduc pour le Johannem à Gratz d'un exemplaire d'un ouvrage, dont je sais sentir l'importance». Однако напрасно графъ безпокоился и спѣшилъ угодить Калайдовичу, этотъ отвѣчалъ ему очень сурово, благодаря отъ души за примѣчанія: «Я пріемлю съ живѣйшею признательностію таковое вниманіе къ труду моему, будучи далекъ отъ мысли почитать его безошибочнымъ, тѣмъ болѣе, что *я тщетно искалъ на семъ опыть путеводителя*. Каждый пишущій долженъ желать такого участія и дорожить онымъ; *вамъ же*, свѣтильникъ нашъ, приношу глубочайшее благодареніе за ту истинную для меня честь, какую вы оказывать изволите, препровождая мою книгу славному собранію въ Кремзирѣ (отъ 29 Марта». Графу не могло это не понравиться, «Хвалю и не двоюсь отвѣтствовать вамъ отъ 7 Апрѣля, что вы приняли такъ хорошо нѣкоторыя замѣчанія г. Круга». Спустя нѣсколько времени получилъ К—ъ лестные отзывы отъ Коллара и Добровскаго.

ленію подробнаго и ученаго описанія Синодальной въ Москвѣ библіотеки. Отъ 9 Января слѣдующаго 1825 года графъ прислалъ ему слѣдующее убѣдительное письмо: «Алексѣй Ѳедоровичъ съ вами условился о желаемомъ мною сочиненіи ученаго и подробнаго каталога патріаршихъ и синодальныхъ рукописей. Приступите пожалуйте къ сему труду, коль скоро можно. Искренно желаю и надѣюсь, что вы преученымъ обработаніемъ сего каталога пріобрѣтете себѣ новую честь и оправдаете ту важную задержку, которую я понесу для составленія и изданія его.» Правда, нашлись нѣкоторые добрые совѣтники, старавшіеся поколебать Румянцова въ его рѣшимости и представить Калайдовича въ глазахъ его неспособнымъ: оба не удостоили вниманіемъ слишкомъ явнаго недоброжелательства, и дѣло продолжалось (1). Отъ 7 Апрѣля канцлеръ писалъ: «И съ душевнымъ порадованіемъ получилъ отъ васъ свѣдѣнія, доказывающія, что вы уже приступили къ нѣкоторому разбору манускриптовъ патріаршей и синодальной библіотеки. Конечно первая встрѣча отчаяннаго не представляетъ; но я въ полной надеждѣ пребываю, что со временемъ нечаянно попадете на такой древній манускриптъ, который станетъ оспоривать старшинство у Остромірова Евангелія. Разсматривайте пожалуйте все съ большимъ тщаніемъ и осторожностію. Предъ вами путь открытъ къ достиженію имени знаменитаго; не теряйте сей цѣли изъ виду!» Отъ 4 Мая, 1825 года, Калайдовичъ

---

(1) Отъ 6 Февраля 1825 года, при извѣстіи о новомъ важномъ предпріятіи ученаго, канцлеръ писалъ въ Петербургъ слѣдующее письмо: «le catalogue raisonné des manuscrits slavons des bibliothèques Patriarchale et Synodale, de la confection duquel V. E. veut charger M. Kalaïdowitch, est sans aucun doute un ouvrage, qui peut lui faire le plus grand honneur, s'il l'exécute comme il faut. Mais la tâche est sûrement très difficile. Plusieurs de ces manuscrits sont traduits de Grec, comment M. Kal. se tirera-t-il de l'affaire? Ce qui me porte à cette réflexion, ce sont douze mots grecs qu'il a fait imprimer Part. II. des Act. Ord. Het. n. Ap. page 9, et dans lesquels on trouve justement douze fautes. Quel besoin de se compromettre ainsi! On ne peut pas nier, que pour se soustraire à la faute sur le compositeur, car on s'est avisé mal-à-propos d'en corriger une des plus legeres erreurs dans les errata p. 210 « ὄνιτασθ ὁ» sans se douter même de toutes les autres! Veuillez donc, Monseigneur, lui donner un peu plus de temps pour se perfectionner à son propre savoir et de n'avoir répugnance à recevoir souvent des leçons des personnes, qui sous plusieurs rapports doivent être nécessairement plus savans que lui et qui ne trouvera pas de difficultés dans une ville comme Moscou, que M. Kal. s'adresse aussi ce fait imprimer tout ce qui lui vient dans l'esprit sans consulter quelqu'un». Графъ тотчасъ переслалъ это письмо Калайдовичу.

извѣщаетъ уже: «въ синодальной библіотекѣ я описалъ 58 рукописей.» Такого напряженія однако не сдержали силы,—онъ сильно захворалъ и отъ 10 Сентября писалъ другу своему Дм. П. Б.-Каменскому: «Нервическое разслабленіе—слѣдствіе неумѣренныхъ трудовъ—разстроило совершенно мое здоровье.» Понятно, какое гибельное слѣдствіе могло угрожать отъ такой болѣзни здоровью, и безъ того слабому. Однако и среди самаго лѣченія онъ старался пользоваться всѣми средствами занятій: прохворавъ лѣто и для поправленія путешествовавъ шесть недѣль въ Іюлѣ и Августѣ, употребилъ онъ путешествіе на увѣнчавшееся успѣхами отысканіе разныхъ рукописей въ селѣ Дѣдиовѣ, Коломнѣ, Зарайскѣ, Каширѣ, Веневѣ. Съ осени опять начаты были прежнія занятія и съ прежнимъ рвеніемъ. Баронъ Розенкампфъ, трудившійся въ то время надъ изслѣдованіемъ разныхъ рукописей Кормчей книги, черезъ посредство графа, обратился къ Калайдовичу за помощію: для него онъ сообщалъ разныя свѣдѣнія, напримѣръ описаніе извѣстной синодальной рукописи *«Посланій митрополитовъ.»*

—

Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ скончался, Генваря 3, 1826 года, къ общему сожалѣнію Русскихъ ученыхъ, къ глубочайшему прискорбію имъ облагодѣтельствованнаго. Ослабѣвшее здоровье, напряженныя занятія и отсутствіе такого покровителя, которому подобнаго нельзя уже было встрѣтить, все это готовило гибельный ударъ. Въ началѣ Февраля 1828 года Калайдовичъ подалъ жалобу въ медицинскую контору на то, что « въ бытность его коммиссіонеромъ казеннаго Глѣбовскаго подворья, за искорененіе тамъ злоупотребленій, учрежденіе порядка и доставленіе значительнаго дохода въ пользу Глазной больницы, члены оной, удаливъ его отъ должности, разнесли слухи по Москвѣ, что будто онъ лишился ума; а потому проситъ онъ защитить его отъ сихъ неосновательныхъ поступковъ, въ особенности же докторовъ М. и Э., освидѣтельствовавъ притомъ на основаніи коренныхъ законовъ имперіи.» Бумага свидѣтельствовала о помѣшательствѣ. Апрѣля 10, при Московскомъ полицмейстерѣ, попечителѣ подворья, частномъ приставѣ, супругѣ, депутатахъ отъ архива и университета, наконецъ добросовѣстныхъ, по произведеніи слѣдствія, отобраны бумаги и вещи,

принадлежавшія казеннымъ мѣстамъ. Недокончепныя сочиненія остались во множествѣ бумагъ, возбуждающихъ интересъ нашъ и удивляющихъ обиліемъ свѣдѣній, обширностію плановъ; осталось значительное собраніе книгъ по Русской исторіи и древностямъ. Прерванное описаніе синодальныхъ рукописей помѣщено было въ особомъ изданіи *Архива*, отпечатанномъ, но по обстоятельствамъ не выпущенномъ (1). Предпринятое въ 1827 году изданіе *Русскаго Зрителя*, превосходное по плану и обѣщавшее много любопытнаго по самимъ уже собраннымъ матеріаламъ, продолжаемо было въ 1828—1830 годахъ людьми, близкими къ издателю (2).

Біографія прерывается, ибо послѣдніе дни жизни К. Ѳ. Калайдовича не подлежатъ описанію. Разсудокъ отчасти возвратился, но не возвратилось уже здоровье. Отъ бѣдности охранялъ семейство пенсіонъ въ тысячу рублей. Декабря 6-го, 1831 года, присланъ былъ Калайдовичу перстень отъ государя наслѣдника, за поднесенный ему *«древній и весьма рѣдкій атласъ.»* Апрѣля 19 (3), 1832 года, Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ скончался.

1852 г.

*

Примѣчаніе. Очеркъ писанъ давно; въ немъ конечно много неполноты, много пропусковъ, и, можетъ статься, даже погрѣшностей, а обстоятельства не дозволяютъ намъ пополнить его (хотя и есть довольно средствъ подъ руками). Но, передавая эту статью ученымъ, въ ея настоящемъ видѣ, мы утѣшаемся надеждою: оживить память о

---

(1) Изданіе К. М. А. О. «Архивъ разнородныхъ и преимущественно историческихъ свѣдѣній»; описаніе кончено на VII книгѣ, части I, № 101-мъ въ Архивѣ заняло 62 страницы, остальное же дополнено было другими Московскими учеными.

(2) Здѣсь между прочимъ помѣщены статьи изъ матеріаловъ, собранныхъ Константиномъ Ѳедоровичемъ: *О мѣстѣ рожденія Петра 1-го; О надгробномъ памятникѣ Марѳы Посадницы; Объ Іоаннѣ Экзархѣ;* извѣстіе о *Глаголической рукописи; Пыфирное письмо;* письмо Карамзина и отвѣтъ Калайдовича *о Тушинскомъ станѣ.*

(3) Пока живы были сынъ и супруга К—ча, я почему-то, быть можетъ съ ихъ словъ, увѣренъ былъ въ этомъ числѣ; но, желая себя провѣрить недавно обратился я къ обязательному Д. И. Штейнбергу, который былъ близокъ въ семействѣ К—чей, и получилъ отвѣтъ, что, по его памяти, день кончины былъ 9-го Мая. Не имѣя чести быть знакомымъ съ прочими родными покойнаго, я оставляю этотъ вопросъ нерѣшеннымъ.—*Примѣч. 1860 г.*

незабвеннымъ дѣятелѣ; вызвать его друзей и сверстниковъ, еще живыхъ, къ разнымъ воспоминаніямъ и снисходительнымъ поправкамъ, дополненіямъ, объясненіямъ сообщенныхъ нами данныхъ; наконецъ, дѣятелямъ молодымъ, напомнить объ этомъ благодарномъ и благородномъ предметѣ, достойномъ занять молодыя силы изыскателей,— говоримъ о возстановленіи всей эпохи Калайдовича, богатой просвѣщеннымъ ученымъ трудолюбіемъ, объ этихъ десяткахъ лѣтъ, достопамятныхъ въ исторіи нашихъ ученыхъ открытій и изслѣдованій. Передаемъ трудъ свой въ печать, какъ набросанную основу для лучшей и полнѣйшей отдѣлки. Собраніе бумагъ, переданное М. П. Погодинымъ въ Публичную библіотеку, хранитъ множество пособій и данныхъ для дальнѣйшей разработки сего предмета.

1860.

2007099488